

АНТОН ВОЛКОВ

Битва за Свет

АНТОН ВОЛКОВ

Битва за Свет

«Автор»

2013

Волков А.

Битва за Свет / А. Волков — «Автор», 2013

Слишком цивилизованным и спокойным казался мир времён нашей юности — какая война? «Война, такая большая и разрушительная, как Вторая Мировая, никогда больше не может повториться», — так рассуждали мы. «Мы на новой ступени эволюции. Правительства стран не допустят больше такого кошмара. Шишки на лбу набиты и получать их снова никто не захочет». Но, увы, нам пришлось встретить лицом к лицу не просто войну, а настоящий ад. И, хотя, лично мы с Андреем пока толком-то и не видели этого ада в глаза, нам было не по себе от мысли его неизбежности...

© Волков А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Борьба за «Свет»	5
Глава 1. Афганцы	7
Глава 2. Начало конца	8
Глава 3. Разведка докладывает	10
Глава 4. «Конец» света	12
Глава 5. Свет в конце тоннеля	20
Глава 6. Враг идентифицирован	22
Глава 7. Война наступает на пятки	26
Глава 8. Трофей	29
Глава 9. Конец «Света»	32
Глава 10. Норвежские надежды	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Антон Евгеньевич Волков

Битва за «Свет»

Борьба за «Свет»

Я не думал, что когда-нибудь мне будет так страшно... Перед нами были навалены мешки с песком, метрах в пятидесяти впереди – минные растяжки. Мы сидели, не издавая ни звука; насколько мы знали, афганцы обладают в разы более острым слухом, зрением и обонянием, чем люди. Меры безопасности были предприняты самые жёсткие: слишком высокую цену неделю назад заплатила бывшая съёмочная группа НТВ, Андриюхины знакомые, рискнувшая без поддержки вояк самостоятельно поснимать пока совсем ещё неизученных афганцев. Ребята просто хотели заработать на хлеб, говорят, в ФСБ неплохо платят за уникальный видеоматериал. Всеми правдами и неправдами они пролезли за оцепление военных, устроились в заброшенном деревенском домишке в расчёте, что останутся незамеченными. Не остались... Один из трёх всё же выжил, сейчас в психушке реабилитируется. Насмотрелся такого, что лучше себе даже не представлять...

Я с застывшей в жилах кровью смотрел на одного из монстров в бинокль. Зрения не хватало, я мог видеть его мало-мальски отчетливо лишь при лунном свете. Заметил я его несколько раньше, чем он нас: эта тварь вальяжно вышла из кустов поодаль и одной рукой тащила за собой, видимо, свой ужин – человеческий труп с уже обглоданными ногами. Мне стало дурно, но всё же я нашёл в себе силы пристально понаблюдать за поведением этой твари. Во рту было сухо, сердце колотилось с частотой сто пятьдесят ударов в минуту. Зрелище действительно было жутким. Секунд двадцать я смотрел на эту чёрно-зелёную бестию, которая плавно куда-то шла, волоча за собой труп. До этого я видел афганцев лишь на записях, но такими страшными они мне тогда не казались! А сейчас, глядя на этого зомби собственными глазами, я чувствовал, как душа уходит в пятки. Что ждать от него в следующую секунду? Чем руководствуются эти звери в своём поведении? Должно же рано или поздно человечество прийти к пониманию их устройства, законов их поведения и принципов, которыми они движимы! Мы, по крайней мере, сильно на это надеялись. Ради ответа на этот вопрос мы были здесь.

Каким-то образом афганец заметил нас. Мы сами не поняли, как это произошло, ведь те несколько секунд, что мне довелось разглядывать его, все наши пятнадцать бойцов, оператор и мы с Андриюхой сидели, затаившись как мыши...

Афганец сперва встал как вкопанный, затем отпустил труп и побежал прямо на нас. Ему оставалось всего лишь метров триста-триста пятьдесят... Какой же силой, невероятной силой, эти афганцы обладали! Скорость его бега минимум в полтора раза превышала скорость любого спортсмена. При этом он ещё и вилял на бегу, как будто специально, чтобы тяжелее было вести по нему прицельный огонь...

Командир во всё горло заорал: «Давай!», и снайперы на крышах домиков, располагавшихся позади нас, начали лупить по монстру, неумолимо настигающему нас. Оператор поверх мешков с песком дрожащими руками вёл видеосъёмку с помощью объективов ночного видения. Всё происходило настолько быстро, что мы с Андреем лишь отчётливо видели, как пару раз снайперы попали в тварь, и она дважды – в момент попадания пули в тело – была отброшена назад. Афганцу, казалось, всё нипочём, он лишь заревел леденящим душу голосом, подобным воплю психа на грани истерии, и продолжал бежать на наш форт. В свой черёд дали по афганцу очереди из АКМов бойцы, сидящие метрах в пятнадцати по бокам от нас. У меня заложило уши. Вой чудовища слышался уже как будто из-под воды. Но я не мог оторвать взгляд

от изрядно изрешечённого, но продолжающего бежать на нас чудовища. Двигалось оно уже гораздо медленнее, чуть не падало.

«Двух АКМовских рожков тебе с лихвой хватит, тварь!» – зло и с торжеством пронеслось у меня в голове. Но двух ему не хватило. И трёх... На последних ста метрах афганец был почти повержен, но он всё же продолжал бежать на нас, если это можно назвать бегом: он уже еле-еле держался на полуперебитых пулями ногах и, скорее, чисто механически, покуда ещё мог, рывками перемещался в нашу сторону.

Минную растяжку он не заметил. Громыкнуло так, что в ушах у меня запищало. С минуту я ничего не слышал, а в это время военные выскочили из-за мешков и побежали проверять, сдохла ли тварюга окончательно или же ещё подаёт признаки жизни. Оператор со своей камерой побежал за ними.

– Живой ещё, – пренебрежительно сказал обступившим ещё дёргающегося афганца солдатам командир, стоявший в центре, – теперь «пеленгуем» его и дуем в штаб, а то сейчас ведь сбегутся, мрази, можем и не отбиться.

Афганец лежал на спине, камуфляж его был весь в крови, если, конечно, вещество, бегущее в его венах, можно было вообще назвать кровью. Одну руку ему оторвало при взрыве, она валялась метрах в двух от него. Тело этого нечеловека подёргивалось в конвульсиях, из глотки доносился звук сиплого предсмертного дыхания...

Бойцы разведотряда, одетые в специальные защитные костюмы, похожие на форму пожарных, положили издыхающего афганца на носилки и поспешно погрузили его в «ГАЗель». Снайперы к тому времени уже покинули своё боевое расположение и тоже были готовы к отъезду. Все расселись по машинам и выдвинулись в сторону Москвы...

Глава 1. Афганцы

Афганцами» теперь называли не ветеранов той далёкой войны конца 80-х годов двадцатого века в Афганистане и совсем уж точно не жителей самого Афганистана... «Афганцами» звали ту нечисть, которая вот уже третий месяц прёт с территории Афганистана, с катастрофической скоростью сея ужас и смерть на всё большей территории нашей страны. Сперва были практически сметены российские погранзаставы на казахской границе толпами безоружных, но обладающих невероятной силой «людей». На первый взгляд людей. Но это были не люди...

Несколько десятков по-разному одетых «солдат» впервые появились в поле зрения узбекских пограничников, дежуривших в ночь на 16 мая 2016 года на одном из пограничных контрольно-пропускных пунктов на узбекско-афганской границе. Они бежали с невероятной для простого человека скоростью прямо на КПП. Естественно, пограничники, привыкшие к пытающимся нелегально иммигрировать местным жителям, никакого подвоха не заподозрили и сначала просто в рупоры приказали бегущим остановиться, а затем открыли предупредительную стрельбу в воздух. Бегущие не остановились... Когда же толпа подбежала к пограничному пункту на критически малое расстояние, узбекские погранцы, как и положено по уставу, открыли огонь на поражение. Наутро прибывшая смена обнаружила обезображенные тела дежуривших в ту ночь ребят. На месте были найдены записи с камер видеонаблюдения, установленных по периметру злосчастного КПП. То, что было запечатлено на плёнке, смотреть было страшно даже матёрым военным служащим и совершенно не поддавалось никакому объяснению: толпа «людей», по которой пограничники начали вести огонь на поражение примерно метров с пятидесяти, не кинулась врассыпную, и никто из толпы даже не повалился на землю! Не бронежилеты тому причина, нет... На видео можно было отчётливо разглядеть, что некоторым из них пули попадали в руки и ноги, но нелюди не падали – будто не чувствовали боли, лишь начинали хромать. Стрельба продолжалась буквально секунд семь, после чего монстры достигли погранпоста и устроили там такое, от чего после просмотра той записи у меня пропал сон на ближайшие две недели... Безоружные «люди» буквально разорвали на мелкие кусочки семерых узбекских пограничников голыми руками: сворачивали головы, вырывали сердца, проламывали черепа. Сотворить подобное было бы не под силу даже выдавшим виды ВДВшникам.

Леденящая душу видеозапись попала в руки и российских спецслужб. Андрей, будучи военным журналистом и работая на ФСБ, и показал мне ту запись. Нечисть, прибежавшую со стороны Афганистана, узкий круг посвящённых стал называть «афганцами».

Глава 2. Начало конца

Афганцев, разоздравших 16 мая пограничников, искали несколько суток, но тщетно. Они как будто растворились. Их следы в виде сгустков запёкшейся крови оборвались в лесу за КПП, километрах в двух от него. Никто не мог дать объяснение случившемуся. Группа пересекших границу афганцев представляла беспрецедентную угрозу. В Узбекистане было объявлено чрезвычайное положение.

27 мая были зафиксированы атаки, подобные предыдущей, но в разы более массированные, унесшие жизни нескольких десятков пограничников. Группы нелюдей на этот раз достигали сотни «человек». Через несколько часов после пересечения границы афганцы напали на приграничные деревни, где истребили несколько сотен мирных жителей. Регулярная армия Узбекистана, а точнее, два взвода по двадцать пять человек, настигла две из пяти групп афганцев, синхронно прорвавшихся через границу на почти стопятидесятикилометровом участке, и вступила с ними в ожесточённый бой. Афганцы по-прежнему не были вооружены. Пехотинцы, отчаянно стрелявшие по бегущим на них толпам неизвестного происхождения «людей», не успели расстрелять даже по два АКМовских рожка, как были зверски перебиты нечистью. Пули её почти не брали. Максимум десять-пятнадцать афганцев были сражены военными перед тем, как те невероятно быстро настигли взводы и растерзали их.

Контроль над границей был потерян к первому июня, когда несметные толпы афганцев, перебегая границу и сметая всё живое на своём пути, углублялись на территорию Узбекистана и сеяли там панику и смерть. Затем последовал Казахстан. Его власти организовали сначала первую линию обороны, но её прорвали, затем вторую, более плотную. Была стянута тяжёлая техника, артиллерия... Но и достаточно мощная вторая линия продержалась всего несколько дней. Нечисть «вычищала» сёла, деревни, города. Люди в панике бежали в сторону российской границы, кто на машинах, кто на лошадях. Но твари, всё напирющие со стороны Афганистана и обладающие невиданной физической силой и иммунитетом к боли, потере крови и каким-либо эмоциям, настигали практически всех беженцев.

Вести о сложившейся в Узбекистане и Казахстане ситуации заставили российское правительство в кратчайшие сроки перекрыть государственную границу с Казахстаном и стянуть к ней немислимое количество военнослужащих, техники, в том числе и несколько вертолётов...

– Что Вы думаете о ситуации в Узбекистане? Что это может быть? – с явной тревогой спросил Шталенкова Андрюха.

– Точно уж не талибы... – протянул Шталенков, который как замороженный не мог оторваться от экрана телевизора, – я в мистику никогда не верил и сейчас не поверю! Спасибо, парень, за кассету. А ты этих тварей – хоть одну – живьём видел?

– Думаю, если б увидел, то я бы тут с Вами не сидел, они бы мной поужинали... – напряжённо пошутил Андрей. Видно было, что повторный просмотр кассеты по-прежнему заставляет его сердце сжиматься от страха. Он был весь бледный.

– Ну, а если не мистика, что же? Я не могу найти для себя никакого ответа. Жутковато... Что дальше? Кто бы они ни были, чего им нужно? Узбекистан? Ближний Восток? – Андрей пытался выведать у полковника ФСБ Шталенкова Дмитрия Юрьевича хоть что-нибудь, что могло бы удовлетворить его возбуждённый разум.

– Да я почти уверен, что это – дело рук американцев. Давай рассуждать логически, – поставив видеомagneтофон на паузу, Шталенков повернулся к Андрюхе. – «Конец света» плюс катастрофическая ситуация в самих штатах плюс прошлогодний разрыв дипломатических отношений со всеми странами евразийского континента... Разве тут могут быть сомнения?

Дмитрий Юрьевич был для Андрея, да и для меня тоже, непререкаемым авторитетом. Этот человек в 1980-х воевал в Афганистане, был контужен. В конце 90-х в звании капитана

был назначен на службу в ФСБ старшим лейтенантом и к 2011-у дослужился до полковника. Помимо военного прошлого, этот человек обладал безупречным логическим мышлением, эрудицией и умел располагать к себе. Андрей познакомился с ним, когда ещё только вставал на ноги как журналист, начиная свою работу на радио, году в 2006-м, кажется. Андрей приехал на Лубянку, чтобы записать тридцатиминутное интервью с Дмитрием Юрьевичем. По окончании интервью Андрей уже считал Шталенкова почти своим товарищем, в какой-то степени эталоном человека с большой буквы – настолько тот поразил его историей своей жизни и невероятной харизмой. Андрей тогда понял, что рано или поздно он непременно будет работать под началом Дмитрия Юрьевича. К тому же, по его словам, Шталенков тоже проникся глубоким уважением к нему как к человеку и высоко оценил его талант. Да и было у них что-то общее... Вероятно, Шталенков узнал в Андрее себя в том возрасте, когда сердце рвалось из груди в бой, когда он хоть уже и не был юнцом-максималистом и идеалистом, но его жизненные взгляды пока ещё не до конца сформировались. Именно тогда, в свои двадцать-двадцать два года, он и нашёл для себя единственную верную тропу, которой он хотел следовать – военную. Андрюха же был в одном шаге от окончательного избрания своего призвания, своей профессии... До того интервью. А после он уже знал на сто процентов, что он станет военным журналистом – благодаря Дмитрию Юрьевичу Шталенкову. Я же познакомился с ним спустя два года, в 2008-м. К тому моменту Андрей уже работал на ФСБ журналистом, не раз бывал в горячих точках. Шталенков был в восторге от его сюжетов, от Андрюхиного подхода к делу, поэтому довольно быстро принял его в тесный круг своих товарищей. Несмотря на разницу в возрасте, они всегда находили общий язык, вместе ездили как в горячие точки, так и на шашлыки – в свободное от работы время. На один из таких пикников в Подмоскovie Андрей пригласил и меня. Все рассказы Андрея об этом человеке подтвердились: дядя Дима и на меня произвёл невероятнейшее впечатление. С тех пор он стал и моим авторитетом.

– Я с Вами полностью согласен, но ведь эти головорезы – не люди! У меня в голове совсем никаких мыслей нет на этот счёт... Может, у них броня какая-то особая, что хрен прошибается, а сами они накачены какой-то «дурью», которая и придаёт им силищу невиданную, – уже более хладнокровно, не на взводе, продолжал рассуждать Андрей.

– Ну да, – взорвался хриплым смехом Шталенков, – броня, ха-ха-ха! Нет, не броня это никакая. До «Конца» света», да и после, в принципе, тоже, наша разведка-то не на печке валялась и задницу грела, тоже ребята ухо остро держали. Нет и не было у америкосов ничего подобного. Поверь, я знаю наверняка.

– Вы ещё скажите, что они зомби! – ухмыльнулся Андрей.

– Да, Андрюш, это зомби.

Глава 3. Разведка докладывает

22.07.2016.

С Андрюхой у него дома смотрели запись допроса младшего сержанта пограничных войск РФ Рябинина М. И., дежурившего в ночь на 19-е ещё с четырьмя сослуживцами на одном из КПП казахско-российской границы.

Парень лет девятнадцати, с круглыми от страха глазами, едва связывающий слова в предложения рассказывал: «Примерно в 1:35 ночи со стороны Казахстана... Смотрим – бегут. Толпень огромная, человек двести. Казахы смели на...уй, а у самих потери незначительные. Мы предупреждать не стали, начали их херачить и из миномётов, и из пулемётов... Ну, пару десятков ихних завалили, потом они до нас добежали. Всех изорвали, кто не в бээмпэхах и в танках был. Это не люди! Я в смотровую щель одного очень близко видел – у него одного глаза не было, кровь шла. Похоже, ему осколком глаз вышибло. Человек бы без глаза не смог бегать. А этот боли не чувствует, сразу видно. Да и силищи у них немеряно – головы бойцам отрывали, и бегает в три раза быстрее спортсменов. Танками, правда, пятерых где-то подавили, против гусениц они ничё не могут, твари. Бронебойные их тоже берут, но, б...я, попади в них – они бегает зигзагом, как будто обученные. Мы на бээмпэхе от них дёру дали, отстреливаясь по ходу отступления. Они у нас и на крыше даже были, слава Богу, люки мы надёжно задраили. Как светлеть начало, часа в четыре с чем-то, твари постепенно рассосались по окрестностям. Такое впечатление, что они с первыми лучами солнца прятаться куда-то побежали...»

– Страшно, Антоха, очень страшно, – спустя несколько секунд молчания после просмотра плёнки признался Андрей.

Потом сидели на кухне, пили чай.

– Поздно, дружище, поздно наши ЧП ввели. Столько народу спасти можно было бы, если б вовремя эвакуировали. После прорыва нашей границы три дня только прошло, а эта нечисть уже на сто пятьдесят километров углубилась, ни одной живой души не оставила на своём пути. Куда правительство смотрело? Это не Гитлер с пактом о ненападении, это сам Сатана, б...дь! – у меня в голове не укладывалось то, что твари эти так стремительно опустошают южные районы нашей страны.

– Ну, так там те ещё силы стянуты были, зря ты... Вдоль всей границы – три тысячи человек личного состава, двести единиц бронетехники, двадцать едини... – не успел договорить Андрей, как я его перебил:

– Да слышал, слышал... Значит, надо было больше, больше надо было!

– Да кто же знал, что их столько набегит! – оправдывал действия правительства Андрей.

– А что слышно из ФСБ, кто они такие? Не люди точно, но тогда кто?

– Вчера я слышал, что вроде разведчики вычислили и захватили в армейской «верхушке» завербованного американского шпиона. В его квартире нашли кейс с записями. Так вот там в этих бумагах было что-то про Афганистан, даты какие-то, совпадающие с датами атак на Узбекистан, Казахстан и Россию. С этим типом сейчас беседуют беспристрастно на Лубянке. Короче, вот что я тебе скажу, – Андрей выдержал паузу. – Афганцы эти – американского происхождения. Шталенков сказал, что уверен в этом. Таких, как он, нюх не подводит... Ну и нюхом, но документы шпиона этого явно обо всём говорят. Через пару дней, думаю, народу расскажут, что это за напасть такая. Дядя Дима считает – зомби они какие-то. Да мы и сами с тобой видим, что не человеки, уж точно...

– А что, Узбекистан и Казахстан всё, того? – с надеждой в голосе спросил я.

– Отдельные группировки войск отстреливаются по ночам, днём убитых хоронят. Гражданских процентов семьдесят перебили, мрази... Армия, что у узбеков, что у казахов слабовата оказалась. Потом они же первые удар приняли – не успели подготовиться. Их врасплах

нелюди застали... Наши хоть какие-то более или менее весомые силы к границе стянули, и то нечисть прорвалась... Тьфу, б...я! Пойдём покурим, а? – Андрей отставил чашку чая и жестом пригласил меня на балкон.

На следующий день, двадцать третьего, Андрей договорился со Шталенковым, что мне тоже будет позволено присутствовать на докладе по делу американского шпиона. Несмотря на то, что доклад был назначен на четыре часа, мы уже в два были на месте. Пока сидели в холле, дожидаясь открытия дверей зала заседаний, краем уха слышали от сидевших недалеко от нас сотрудников спецслужб неутешительную информацию. Хоть они и переговаривались между собой достаточно тихо, нам не составляло труда расслышать что-то вроде «...если ничего не придумаем, твари эти к концу августа и до Москвы добраться могут – тогда трындец!»... Мы с Андреем пытались услышать хоть что-нибудь ещё, что могло быть нам интересно, но ничего полезного больше так и не прозвучало. «Интересно, – думал я, не на шутку перепугавшись, – неужели наша здоровенная армия не в силах отразить натиск этих афганцев? А если и правда они до Москвы доберутся, то всё – конец! Нет больше Узбекистана и Казахстана, нет Киргизии, Туркменистана, Таджикистана. Конец света, что ли, пришёл, и мёртвые восстали из могил и сеют ужас и смерть? Много, очень много будет известно через какой-то час, когда обнаружат разведданные». В голове у меня крутились различные сценарии предстоящего доклада. Подумал я и о возможной радиационной причине творящегося сейчас на юго-востоке: может, американцы как-то тайком облучили местное афганское население и превратили их в то, что сейчас является наибольшей угрозой для нашей страны? Может, под зомби Шталенков и имел в виду что-то вроде этого? Не исключал я и чего-то совсем мистического, как, например, воскрешение мёртвых. С другой стороны, когда с интервалом в два года происходят такие события, тут не то, что поверишь в считавшееся доселе совершенно невозможным, но и перестаешь отмечать любые, даже самые нелепые предположения, приходящие в голову...

Глава 4. «Конец» света

13.12.2014, суббота.

На часах примерно девятнадцать сорок пять. Сидели с Дашкой на кухне, пили чай, мирно беседовали о проведении предстоящего новогоднего праздника, как вдруг ни с того ни с сего пропало электричество во всей квартире. Странно, но обычно ярко светящийся даже через занавеску уличный фонарь (живём мы на втором этаже, аккуратно напротив него) тоже погас. Тьма на кухне и в квартире была такая – ни черта не видно! Выглянули в окно... За двадцать восемь лет жизни я такого ещё не видел: ни в одном из домов, которые попадали в поле зрения, не было света. Не светил ни один фонарь.

Бывало много раз, что из-за каких-то неисправностей пропадал свет в целом доме, но выгляни из окна и всегда увидишь свет в соседнем доме, а тут – крошечная тьма! Только изредка машины, проезжающие по дорожке перед нашими окнами, расплосовывали улицу пучками света фар. Было очень удивительно наблюдать такую картину...

Мы с Дашкой посмеялись: «Ха-ха, небось какой-нибудь пьяный Афанасьич в трансформаторной пописал не в том углу!» Я включил фонарик на сотовом и пошёл «на разведку» на лестничную клетку, на которой уже слышались голоса соседей...

– Здравсте, дядь Миш! Чё это может быть? Света во всём районе, судя по всему, нет! – обратился я к открывающему электрощиток соседу.

Пожилой дядя Миша поздоровался и только пожал плечами на мой вопрос, ответив как всегда в своём репертуаре: «Да хрен же его знает! Дерьмо какое-то!»

Совместно с дядей Мишей, вооружившись сотовыми-фонариками, мы удостоверились в целостности и невредимости предохранителей в щитке.

– Будем ждать, блин!.. – разделяя недоумение дяди Миши и соседки из квартиры напротив, брякнул я и пошёл домой.

Мы продолжали сидеть на кухне при свете фонарика и допивать остывающий чай... Вспомнили мы «каскадное» отключение электроподстанций в Москве и области в конце мая 2005 года, когда во многих районах города вырубилось электричество. Решили, что нынешняя ситуация – ни что иное, как повторение тогдашней! Дашка предприняла попытку позвонить подруге, живущей на другом конце города, дабы узнать, что у них там, в Марьино. Сперва попробовала по городскому телефону, но тот не подавал признаков функционирования. Тогда она взяла сотовый, но он тоже только бесполезно светился и «не ловил» сеть.

У меня же был другой оператор связи, но телефон мой тоже сеть «не ловил», а оставался только лишь хорошим фонариком и не более.

– Ладно, – с напором в голосе не отступал я, – ща послушаем, чё там по радио...

И я попытался всё на том же сотовом телефоне «изловить» хоть какую-нибудь радиостанцию. Пролистал сначала все частоты из FM-диапазона, потом УКВ-диапазона, но ни фиги не принималось, из динамика доносилось только шипенье...

Откопали в закромах свечки, зажгли и расставили их на кухне. Самым обломным в тот вечер было то, что больше чая вскипятить мы не могли: мало того, что плита и чайник у нас электрические, так и, к огромному нашему удивлению, в водопроводе не было воды! Такого уж я точно в своей жизни не припомню, чтобы вода в кране была бы как-то связана с отключением электричества в доме...

– Ну что, Дашенция, откупориваем красненькое?! – было моим единственно верным в той ситуации предложением. Распили бутылочку сухого винца и легли спать. Сотовые отключили – кто знает, сколько ещё не будет электричества, а аккумуляторы заряженные ещё пригодятся!..

Ночью было очень холодно, батареи остыли. Часа в четыре я достал ещё одно одеяло с антресоли, и мы им накрылись.

Проснулись утром часов в десять, на улице окончательно рассвело. Уже даже не помня, что вчера неожиданно вырубился свет, я поплёлся на кухню и машинально нажал кнопку на электрическом чайнике. Кнопка «отпрыгнула» назад.

– Едрительный механизм! Чубайс, дай свет! – я вспомнил про вчерашний вечер и в шутку обратился к Чубайсу.

В квартире был колотун, я оделся. Дашка не спешила вылезать из-под одеяльной засады. В следующую минуту нас ждал пренеприятнейший сюрприз: воды в кранах по-прежнему не было! Я оповестил об этом Дашу. Она совсем как-то погрустнела.

Я засунул аккумулятор в сотовый и попытался настроиться на «Маяк», так как сети по-прежнему не находилось. Сперва на FM-диапазоне – шипение; за тем на УКВ – то же самое.

Вдруг за плотно закрытым окном послышались звуки, напоминающие усиленный рупором голос... Я подбежал к окну. В центре нашей улицы стояла МЧСовская машина с рупором на крыше. Я открыл окно.

«Граждане! Вчера вечером Земли достигли аномально сильные электромагнитные бури с Солнца, вызванные сверхмощными взрывами на его поверхности. В связи с этим из строя вышли девяносто пять процентов электрических генераторов по всей Земле. Правительство в кратчайшее время предпримет необходимые меры по частичной подаче электроэнергии в ряд московских больниц, реанимаций, родильных домов. Сроки восстановления подачи электричества в жилые дома пока не известны. Власти города призывают вас соблюдать спокойствие и не паниковать. Экономно расходуйте питьевую воду, продукты питания. Старайтесь держать продукты на морозе, ваши холодильники не работают. Старайтесь не выходить из домов – общественный транспорт не работает. Старайтесь не пользоваться личным транспортом – подача горючего на автозаправочных станциях в ближайшее время осуществляться не будет. За судьбу родственников не беспокойтесь – они будут своевременно оповещены о случившемся и проинструктированы. Ещё раз убедительно просим сохранять спокойствие, не поддаваться панике. О развитии событий вы будете проинформированы аналогичным образом. Следите за появлением автомобилей МЧС на этом же месте. Повторяем: правительство...»

Я закрыл окно. Пока я слушал голос из рупора, у меня в горле стало так сухо, что язык присох к нёбу. Я обернулся к лежащей под одеялами Дашке, которая тоже настороженно слушала заоконные инструкции. Глаза у неё были круглые, как пятирублёвая монета, и я заметил в них испуг. Я и сам был перепуган не на шутку...

Мы не могли поверить в произошедшее! Я помню, что где-то в начале 2011 года мне попадались в Интернете различные статьи на тему «конца света в 2014», но всерьёз их тогда мало кто воспринял: слишком много нам пророчили концов света! Вот та статья:

«Американская академия наук ожидает конец света 22 сентября 2014 года. NASA совместно с Национальной академией наук США осуществило расчёты по гипотетическому сценарию бомбардировки Земли зарядом плазмы и опубликовало доклад «Угрозы космической погоды: социальные и экономические последствия».

Наимрачнейший доклад обнародовала Американская академия наук (NAS): «Угрозы космической погоды: социальные и экономические последствия». А подготовили его специалисты НАСА, изучающие солнечную активность. Она-то и грозит глобальной катастрофой. Буквально выражаясь, концом света. В самом прямом смысле: его – света – не будет на всей планете. Причиной станут геомагнитные бури невиданной силы, вызванные колоссальными вспышками на Солнце, так называемыми корональными выбросами.

– Последствия внезапного солнечного шторма сравнимы с ядерной войной или падением гигантского астероида на Землю, – говорит профессор Дэниель Бейкер, эксперт по космиче-

ской погоде из Колорадского университета и глава комитета NAS, ответственного за подготовку доклада.

Заряд плазмы, извергнутый нашей звездой, парализует все электрические сети и всё то, что работает от электричества. Электромагнитная катастрофа разразится на Земле без всякого предупреждения, планета окажется неподготовленной к такому бедствию. Колоссальные вспышки на Солнце, так называемые корональные выбросы, приведут к геомагнитным бурям невиданной силы и глобальной катастрофе. Сигнал тревоги со спутника, наблюдающего за Солнцем, поступит в Хьюстон, в центр космических исследований. В распоряжении у человечества окажется всего несколько минут, полагают ученые, но любые усилия будут бесполезными. Вначале люди смогут наблюдать сияние, подобное полярному, но во много раз более яркое. Затем из строя выйдут все энергосистемы, трансформаторы. Самые уязвимые элементы – трансформаторы. Они быстро перегреются и расплавятся. По оценкам экспертов, только в США через девяносто секунд после удара сгорят триста ключевых трансформаторов. И без электроэнергии останутся более ста тридцати миллионов человек, прогнозируют специалисты. Никто не погибнет, и последствия солнечной атаки проявятся не сразу. Но перестанет поступать питьевая вода, отключатся бензоколонки, перестанут функционировать нефте- и газопроводы. Автономные энергосистемы в больницах проработают три дня, затем остановятся. Выйдут из строя системы охлаждения и хранения продуктов. В итоге, подсчитали специалисты, в течение года умрут миллионы людей из-за косвенных последствий паралича экономики.

Кстати, подобная магнитная буря произошла в 1859 году. Но тогда промышленность только начала развиваться, и поэтому мир не понёс больших потерь. Сейчас человечество более уязвимо. Достаточно вспомнить последствия одной из более слабых бурь: в 1989 году скромный по масштабам солнечный шторм погрузил во тьму канадскую провинцию Квебек, шесть миллионов человек оставались без электричества в течение девяти часов. Заряд плазмы может привести к самым худшим последствиям. Но почему же на восстановление уйдёт так много лет? Эксперты NASA говорят, что всё дело в трансформаторах: их нельзя отремонтировать, их можно только заменить, а при этом заводы, на которых они производятся, будут парализованы. Поэтому процесс восстановления будет очень медленным. Что же касается вероятности, что такая электромагнитная буря пронесётся по Земле, то статистически она возможна, и вопрос не в том, случится она или нет, а только в том, когда случится. В самом ли деле Солнце, до которого аж сто пятьдесят миллионов километров, способно столь сильно навредить человечеству? «Если произойдёт событие, аналогичное тому, что случилось осенью 1859 года, то мы его можем и не пережить», – говорит Джеймс Грин, один из директоров НАСА и специалист по магнитосфере. Тогда – сто пятьдесят лет назад – молодой английский астроном Ричард Каррингтон заметил, что светило покрылось необычно крупными пятнами – их группа была хорошо видна даже без оптических приборов. И вдруг поверх пятен вспыхнули два ослепительных шара, которые быстро росли. Они были столь яркими, что затмевали блеск Солнца. Примерно через пять минут шары исчезли. Через семнадцать часов ночь над Америкой стала днём – было так светло от зелёных и малиновых сполохов сияния. Казалось, что города охвачены огнём. Зарево над своими головами наблюдали даже жители Кубы, Ямайки, Гавайских островов, никогда прежде ничего подобного не видевшие. Имевшиеся тогда магнитометры зашкалили. Телеграф вырубился. Из аппаратов сыпались искры, жали телеграфистов и поджигая бумагу.

Эту магнитную бурю называли Каррингтонским событием – по имени астронома. Она была самой сильной в обозримом прошлом. Её повторения и опасаются учёные, пишет газета «Комсомольская правда». Вспышки на Солнце происходят из-за перемешивания газов. Иногда светило выстреливает их в пространство. От поверхности отрываются десятки миллиардов тонн раскалённой плазмы. Эти циклопические сгустки несутся к Земле со скоростью в миллионы километров в час. Ещё и ускоряясь по ходу. Удар принимает на себя магнитное

поле планеты. Внезапные изменения в электромагнитном поле Земли наводят сильный постоянный ток. Он-то и способен буквально сжечь электрические сети, не рассчитанные на подобные нагрузки. «Есть еще одна опасность, – говорит Дэниель Бейкер, – так называемые веерные отключения. Энергетические сети на континентах взаимосвязаны. И потеря даже какого-нибудь одного узла повлечет за собой каскад аварий. К примеру, в 2006 году банальное отключение одной из ЛЭП в Германии вызвало серию повреждений трансформаторных подстанций по всей Европе. Во Франции пять миллионов человек сидели без света два часа».

Специалисты НАСА прогнозируют солнечный шторм, аналогичный Каррингтонскому, на осень 2014 года, когда активность светила достигнет максимума. И уповают на сигнал тревоги. А его, как следует из доклада, способен подать всего один аппарат, который сейчас расположен между Солнцем и Землей. Да и тот уж скоро сломается – летает с 1997 года. Но даже если он протянет еще три года, то после «штормового предупреждения» у землян останется от пятнадцати до сорока пяти минут на подготовку. «Тогда – сто пятьдесят лет назад – человечеству просто повезло, потому что оно не достигло высокого технологического уровня, – говорит Джеймс Грин. – Сейчас, случись подобное, на восстановление разрушенной мировой инфраструктуры уйдёт не меньше десяти лет. И триллионы долларов».

Вот как оно всё обернулось! Правда, не сентябрь на дворе, но кто же мог предсказать с точностью до дня?! «Что будет дальше? Что делать?» – вертелось у нас в головах... Но надо было действовать, чтобы выжить. В ближайшие часы мы постарались выполнить инструкции: продукты, остававшиеся у нас в холодильнике, распахали по пластиковым пакетам и на верёвочках вывесили через окно на улицу. Мы видели, что многие люди делали так же. Потом я несколько часов бегал на улицу с теми же пластиковыми пакетами и с одним-единственным пластиковым ведром, которое было у нас в квартире, и набирал в них снег что почище. Приносил этот снег домой, где Дашка в полутёмной ванной комнате, в которую еле-еле проникал дневной свет из коридора, пересыпала снег в заткнутую пробкой ванну. Я приносил снег, оставлял его Дашке и тут же убегал за ним снова. Она в то время пересыпала всё в ванну и, когда я прибежал с новой партией, возвращала мне опорожнённые пакеты. Через три-четыре часа наших стараний ванна была полна талой водой.

Как же нам повезло, что неделю назад я купил с десятков фильтрующих модулей для кувшина-фильтра! Литров двадцать-двадцать пять из наших водных запасов мы отфильтровали, разлили по имевшейся пластиковой таре (канистрам, бутылкам) и спрятали в шкафы.

Сделав дела первоочередной важности, мы решили дойти до соседнего дома, заглянуть к Андрюхе, как он там? Так пусто на улицах не было никогда. Мы видели максимум пять-семь человек, спешащих куда-то. Некоторые по моему примеру собирали снег. Один мужик даже разбирал снеговика – проще было носить домой «подготовленные» валуны. Всего три машины проехали мимо нас. Привычный людный магазин был закрыт. Ни одного ребёнка во дворах. Было страшно видеть такие последствия!

Дошли до Андрюхиного дома. Я по привычке пошёл к лифтам. Дашка с грустной улыбкой дёрнула меня за руку, мол, пойдём к лестнице. Поднялись на седьмой этаж, постучались в дверь Андрюхиной квартиры. Он оказался дома. С порога я спросил его:

- Слушал МЧСников?
- Слушал.
- Снег набирал для воды?
- Да, многие набирают... Оно и понятно.
- У меня фильтры есть, я тебе штуки три отдам.
- Спасибо, дружище, а то у меня последний, и тот давно не менял, – улыбнулся Андрей.
- Мы втроём прошли на кухню.
- Чаю не предложу! – пошутил Андрей.

Я всегда любил его шутливую манеру относиться к трудностям. К любым трудностям, коих немало выпадало по жизни на его голову. Такое отношение вселяло в меня оптимизм, и поэтому в трудные минуты я старался быть рядом с другом, и от этого стократ легче переносил и свои трудности.

– Да? Плита что ль сломалась? – засмеялся я. Дашка тоже хихикнула.

– Как думаешь, на сколько это дерьмо затянется? – спросил Андрюха.

– Хмм... Да хер же его знает на сколько. Я как думаю: ежели все эти долбанные трансформаторы погорели, то беда совсем. Будут, конечно, на дизельных генераторах, на солнечных батареях чуть-чуть электричества производить и потихонечку производить новые трансформаторы, но времени это займёт столько... Беда, Андрюха, беда пришла и, если верить той статье про «Конец» света», то миллионы погибнут, дружище! – на одном дыхании ответил я Андрюхе и напомнил про ту статью, над которой раньше мы смеялись.

Несколько часов сидели на кухне, общались. Ели бутерброды, пили компот. Всё никак не могли осознать, что произошедшее носит не временный характер и через день подстанцию не починят, а весь мир будет без электричества неопределённый, но явно длительный срок. Вышли мы от Андрюхи часов в восемь вечера. На улице – кромешная тьма. Жизнь как будто замерла: ни машин, ни людей. Ну, машины две, правда, куда-то проехали мимо нас, но не более. Мы пришли втёмную ледяную квартиру; за окном стоял мороз градусов минус восемнадцать. Зажгли в комнате одну свечку, так как решили экономить наши небогатые запасы свечей. Допили вчерашнее вино, долго общались с Дашкой, решая, как быть дальше. Завтра понедельник. На работу, естественно, идти мы не собирались. Да какая теперь к чёрту работа?! Мысли были забиты только тем, как выживать дальше, чем питаться, что в принципе делать...

Ситуация в стране в целом и в Москве в частности, с каждым днём накалялась. 18.12.2014 часа в четыре ночи мы проснулись от каких-то очень громких криков за окном. Несмотря на то что у нас в квартире установлен пластиковый стеклопакет, шум с улицы слышался в квартире очень отчётливо. Я подошёл к окну: в свете луны дрались два мужика, кто-то их разнимал. Всё это происходило на фоне верещащей автомобильной сигнализации. В одном из дерущихся я узнал соседа дядю Мишу. Узнал я его по красному пуховику и синей шапке, в которых он обычно выгуливал собаку. Я не мог не выскочить на улицу и не помочь соседу. Поспешно нацепив джинсы и крутку, через минуту я уже подбежал к дерущимся. Мужик колотил ногами уже лежащего на снегу соседа. Помимо меня ещё два мужика пытались их разнять. В конечном счете, мы их разняли, оттащив неизвестного крепкого мужика от дяди Миши, которого обидчик изрядно превосходил в силе. Мужик этот со всех ног принялся бежать, поняв, что преимущество уже не на его стороне.

– Держите суку, вор, держите его! – орал дядя Миша.

Но никто не отважился бежать в тёмный переулок за здоровенным амбалом.

– Дядя Миш, чё случилось, Вы живы-здоровы? – поинтересовался я.

– Да жив я, – буркнул сосед и, встав со снега и подняв шапку, подошёл к своей машине, у которой отчаянно ревели сигнализация. – Спасибо, мужики! Эх, сука, где мои семнадцать лет? Здоровый, падля, поколотил меня. – Дядя Миша приложил кусок снега к рассечённой брови.

Рядом с машиной валялась опрокинутая канистра, из которой вытекло несколько литров бензина.

– Бензин, гад, сливал! У меня брелок сигнализации запищал, я и выскочил разбираться, в чём дело. В темноте-то из окна не разглядел, что происходит.

Я поднялся домой и лёг спать, рассказав Дашке о случившемся. Я был очень рад тому, что моя машина с полным баком, который я залил по счастливой случайности за день до катастрофы, стояла в гараже за очень надёжными замками... Утром мы нафильтровали воды из пополненных вчера запасов в ванной. Из еды у нас оставались несколько пачек быстрорастворимых каш, прозорливо купленных до энергетической катастрофы для употребления их на зав-

траки, пачка пельменей, кое-какой полузаплесневелый хлеб, варенье, несколько яблок и ещё какая-то мелочь вроде сухек. Магазины не работали. Вчера-позавчера в нашем, по крайней мере, районе были первые случаи мародёрства. Тоже ночами кто-то взламывал двери и выносил провиант. Приезжала снова МЧСовская машина, к которой тут же сбегались толпы народу с близлежащих домов и почти начали её штурмовать. Из криков в толпе самыми частыми были: «Когда это закончится?», «Когда дадут электричество?», «Дайте пожрать». МЧСники, не выходя из машины, всё по тому же матюгальнику успокаивали бунтующие толпы. Обещали, что завтра по такому-то адресу приедут цистерны с питьевой водой, а также, что в здании управы района МЧС начнёт в порядке очереди раздавать талоны на хлеб и тушёнку. Назвали адрес и время. Я всё это наблюдал через окно. Опять у меня в горле пересохло: очень ситуация напоминала описание Ленинградской блокады времён Великой Отечественной войны. Страшно стало...

Вечером к нам в дверь постучали. Это был Андрей. По выражению его лица, уже с порога, я понял, что он чем-то очень сильно встревожен.

– Шталенков на служебной машине приезжал, – сняв пальто начал рассказывать он. – Говорит, что на днях введут чрезвычайное положение, ведь такое начнётся... Да уже началось: магазины разгромлены, бензин у многих по ночам сливают и даже уже по квартирам лазить начали, если хозяев нету...

– Знаю-знаю, в нашем подъезде только вчера ночью три хаты обчистили. В основном, что из еды было унесли, ну и, конечно, золото, деньги, в общем, всё ценное, что только нашли. Соседка с девятого этажа рассказала. Они с мужем в соседний район ходили к старикам своим, там и ночевать оставались. Сегодня утром вернулись – дверь не заперта, хотя запирали перед уходом. Так жалко их, я им кашек отдал немного, а то у них совсем жрать теперь нечего.

– Твари! – огрызнулся Андрей. – И ведь даже если услышишь ночью, что дверь у кого-то ломают, не сунешься. Пырнут в темноте – не пикнешь!

– Да. И милицию, как в старые добрые, не вызовешь! – согласился я.

Потом мы втроём сидели на кухне, всё также при одной-единственной свече. Обсуждали примерные планы на ближайшее будущее.

– На вот, – Андрей достал из кармана брюк и протянул мне несколько каких-то бумажек, по размеру напоминающих денежные купюры, – это талоны на еду. Шталенков привёз мне 50 штук. Один талон – буханка хлеба, банка тушёнки. В здании управы нашего района их отоваривать можно два раза в неделю: во вторник и пятницу с тринадцати до пятнадцати. Адрес знаешь?

– Знаю... Спасибо тебе большое! И дяде Диме передай. А где их получают, талоны эти, ежели не по благу? – поинтересовался я.

– Да там же, в управе, только с торца. По паспорту выдают пять талонов на неделю. Кстати, МВД взяло под контроль все крупные гипермаркеты, продуктовые склады, короче говоря, все большие «залежи» провианта. Шталенков рассказал. День и ночь грузят съестное, да и несъестное тоже, в ЗИЛы и свозят куда-то. В общем, стратегические запасы формируют на ближайшее время.

– Понятно. Выходит, как тушёнку с хлебом сожрут, начнут выдавать круассаны с кока-колой?! – засмеялся я.

Андрей с Дашкой тоже захохотали.

– Эххх, смешно, да не до смеху... – уже серьёзным тоном произнёс я. – Новый год скоро, а тут и не знаешь, дотянешь или нет.

– Ну, не кисни, не кисни! – Дашка взяла меня за руку. – Где наша не пропадала! Встретим Новый год с размахом; у нас бутылка виски нетронутая стоит, помнишь? Мандаринов с оливье, конечно, не предложу, но у нас в пакете за окном ещё кусок мяса замороженный висит!

Костерок тут разведём и зажарим... Андрюха! – Даша хлопнула Андрея по плечу: – Ты приглашён, чувак!

Мне как-то стало полегче на душе оттого, что Дашка, казалось бы, не имеющая поводов не впадать в отчаяние, так бодро и весело шутила и не позволяла мне провалиться в бездну мыслей о безысходности нашего положения. «Нашего» – не нас троих, а в глобальном смысле. Что будет через неделю? Месяц? Все перегрызут друг друга за воду, за кусок хлеба? Перенаселённый мегаполис, в одночасье отброшенный на несколько веков назад в своём развитии, уже не представлял собой манящий уровнем своей жизни высокоразвитый город, а, напротив, превращался во всё более опасное и безнадёжное место.

Дашенька была для меня верной опорой во всём, в трудную минуту она как никто другой вселяла в меня веру в светлое (и в прямом, и в переносном смысле) будущее, помогая держаться на плаву.

19.12.2014, пятница.

Утром приезжала машина МЧС. Объявили о введении в России чрезвычайного положения и комендантского часа. Запрещалось появляться на улицах после девяти вечера. По улицам, по мере возможности, будут ездить патрульные машины с прожекторами на крышах. Военные будут уполномочены стрелять на поражение в тех, кто будет проявлять признаки мародёрства, остальных будут задерживать до выяснения обстоятельств.

Мы с Дашкой с тех пор, как всё произошло, ни разу не отходили от дома дальше, чем на квартал (до Андрюхиного дома). Сегодня нам было позарез необходимо сходить до управы, чтобы отоварить талоны, – продукты у нас дома, кроме припасённого к Новому году куску мяса, подошли к концу. От нас до управы ходу было километра три. Слава Богу, температура за бортом немного повысилась – было минус восемь градусов.

Честно признаться, отходить из дома на столь дальнее по нынешним меркам расстояние было как-то боязно. И, хотя из продуктов взять у нас в квартире было почти нечего, да и в светлое время суток грабили редко, всё равно было страшно, что кто-то может посягнуть на наш оплот, наше убежище. «Могут украсть оставшиеся свечи, кусок мяса для Нового года или просто разломать замок на входной двери, а другого у нас нет...» и тому подобные мысли терзали меня. Но идти за хлебом и консервами было необходимо.

...Возле управы, по периметру, стояли милиционеры с автоматами. Всего человек тридцать. Такие меры безопасности, по всей видимости, были предприняты с целью не допустить беспорядков в очереди и, самое главное, попыток граждан проникнуть в здание и растащить запасы продовольствия. Из здания управы по громкой связи слышались призывы не толпиться, придерживаться очереди.

Пока стояли в очереди, прочитали на доске объявлений от руки написанное чёрным маркером на большом листе бумаги объявление, гласящее следующее: «Уважаемые жители нашего района! В целях обеспечения транспортного сообщения между административными округами г. Москвы, с 24.12.2014 от автобусной остановки ДСК-1 по понедельникам и средам будут курсировать автобусы, следующие до пересечения Новослободской ул. с Садовым кольцом. На Садовом кольце в указанные дни будут в течение всего дня курсировать по часовой стрелке автобусы, следующие с остановками...» Далее ещё куча информации про принцип организации движения общественного транспорта и расписание следования автобусов. Например, всего в каждый из указанных дней в сторону Садового кольца и обратно должны будут идти друг за другом три автобуса три раза в день. Желающие ехать куда-либо по своим делам с использованием этих автобусов должны будут заранее, за два дня, записываться всё в той же управе. Автобусы, курсирующие на Садовом кольце, будут делать остановки напротив крупнейших шоссе и магистралей, где в сторону области также будут идти подряд несколько автобусов. Таким образом, если кому-то позарез нужно попасть в перечень дежурящих больниц, родиль-

ных домов (который тоже висел на доске объявлений) или к родственникам, скоро такая возможность должна быть представлена.

Машин же на дорогах практически не было. Бензозаправочные станции, по понятным причинам, не работали и, соответственно, те, кто куда-либо ездил с момента чёртова «конца» света (так теперь называли произошедшее 13.12.2014), давно выжгли весь свой бензин. Остальные автовладельцы не тратят его, берегут на чёрный день, не выезжая никуда на машинах. Правда, одна-две машины в час, всё же, проезжали по шоссе. Мы наблюдали это, когда шли вдоль шоссе к управе. Очевидно, это либо едущие куда-то по неотложным делам счастливые обладатели остатков бензина, либо какие-то служебные машины. «У силовых структур, – рассказал Шталенков Андрею, – в резервах достаточно горючего, чтобы год автопарк МВД, Министерства обороны и ФСБ мог выезжать по неотложным делам. Из этого же резерва и будут заправлять пассажирские автобусы».

Глава 5. Свет в конце тоннеля

Много тысяч, десятков тысяч людей погибло за ту холодную зиму. Основной удар пришёлся по людям, которым и до «Конца» света» жилось не сладко: людям пенсионного возраста, малоимущим, инвалидам... Одним словом, выживали те, кто способен был преодолевать пешком достаточно большие расстояния на лютom морозе, кто мог топить снег для получения воды, кто не замерзал по ночам в остывших квартирах и те, о ком было кому позаботиться. А сколько людей угорело и заживо сгорело в своих квартирах, пытаясь в двадцатиградусный мороз согреться у костра из стола и стульев!

К концу мая в стране продолжало действовать чрезвычайное положение. Надо отдать властям должное, но они сумели худо-бедно удержать архисложную ситуацию под контролем и не допустить воцарения в стране полной анархии. Благо с повышением температуры за окном жить в первобытных условиях в XXI веке стало чуточку попроще... Регулярно подвозилась питьевая вода. Многие пользовались родниками, подземными источниками. Скромных сухих пайков, выдаваемых по талонам властями, населению хватало, чтобы выживать. Тотальный голод стране пока не угрожал ввиду того, что в стратегических хранилищах было достаточно зерна, чтобы продержаться ещё как минимум год. Потихоньку восстанавливалось сельское хозяйство, преимущественно с использованием лошадей вместо тракторов (дизель был на вес золота и расходовался крайне предусмотрительно), так что и на следующий год можно было не опасаться голода. Понемногу восстанавливалась и работа ключевых трансформаторов. Но их мощности хватало исключительно на поддержание работы больниц, которые были переполнены, роддомов, а также на производство энергии для медленного проведения восстановительных работ, производства новых генераторов.

Тем временем в России устанавливался новый уклад жизни. Люди уже начали делить время на «до» и «после». Хотя и прошло с роковой даты 13.12.2014 не более полугода, но как жилось тогда, «до», уже мало кто вспоминал. «До» казалось теперь таким же невероятным и призрачным, как тогда, до декабря 2014-го, казалось, что «после» – невозможно! Человечество оказалось слишком зависимым от электроэнергии и предстало совершенно безоружным перед лицом невиданной ранее угрозы.

Власти направляли максимум ресурсов на восстановительные работы и аграрный сектор. Теперь было не важно, кем тот или иной человек был «до», ему находили работу под стать. К примеру, я работал в небольшой мастерской при ФСБ (спасибо Шталенкову), занимающейся ремонтом ведомственных машин, генераторов и прочей техники, благо мастерская находилась недалеко от нас, километрах в пятнадцати, и в летнее время я ездил туда на велосипеде. Зимой меня, наряду с другими работниками, забирал старенький дизельный микроавтобус. Даша же работала летом на поле в ближайшем Подмоскowie, а зимой её взяли на штатную службу тоже в ФСБ (и снова благодаря Шталенкову). Там же временно работал и Андрей. Но были и те, кто не хотел трудиться на общее благо, а предпочёл разбой правому делу. Новой валютой стали талоны на сухие пайки, это за них теперь и убивали, и отбивали рёбра в тёмных переулках, а не за рубли. Талонами выплачивалась и зарплата за работу.

Отдельную и зажиточную прослойку трудоспособного населения составляли «народные умельцы», изготавливающие из подручных материалов дизельные генераторы, а также «дизелисты» – те, кто торговал дизелем для этих генераторов. Где уж они его доставали – Бог весть (может, с каких-то заброшенных нефтебаз, может, сливали откуда-то, например, с остановившихся где-то в лесах товарных поездов), но навар имели неплохой. Например, дизельный генератор с выходной мощностью четыреста ватт стоил двести талонов. Для сравнения: день работы на посевных в поле стоил четыре талона, или в переводе на натуральный показатель – четыре буханки хлеба, четыре банки консервов, две парафиновые свечи, пять литров питьевой воды.

Зато обладатели дизельных генераторов были невероятными счастливыми! Они выводили выхлопную трубу из окон, чтобы квартира не задымлялась, и имели возможность греть себе чай в электрических чайниках, заряжать аккумуляторы для фонариков, освещать квартиры тёмными вечерами лампами накаливания... Одним словом, они на полшапочка оказывались в «до», в то время как люди, не имеющие генераторов, по-прежнему жгли костры, угорая в своих квартирах...

К осени власти сумели наладить подачу нефтепродуктов с нефтеперерабатывающих заводов, восстановив работу ключевых насосов на магистральных нефтяных трубопроводах. Конечно, объёмы производимых НПЗ бензина и дизеля были не те, что «до», и ни о каком восстановлении продажи бензина на АЗС и речи идти не могло, но дизель для генераторов можно было купить легально, а не только у «дизельщиков». Появились в официальной продаже даже по цене сто талонов и сами генераторы.

У нас тоже был свой генератор на пятьсот ватт. О! Это был наш любимый «питомец» в доме. Иногда, когда просто хотелось выть от всеобщей гнетущей обстановки, от ежедневной борьбы за выживание, от непонятных перспектив на будущее и монотонной работы, по сути, за еду, вечерами мы позволяли себе истратить пару лишних литров горючки и включать на часок-два КОМПЬЮТЕР, который последние полгода представлял собой не более, чем пылесборник. Мы просматривали фотографии нашей светлой юности, которые, к сожалению, так и не были распечатаны, а хранились только в электронном виде. Разве можно было представить себе тогда, что такое пустяковое дело, как включение компьютера и просмотр фотографий может когда-нибудь быть невероятной роскошью?! Конечно, мы себе и представить не могли, что может наступить «после»... Но, казалось, «до» понемногу приближается... И это заставляло нас двигаться дальше и верить, что в ближайшие несколько лет мы сможем забыть произошедшее, как кошмарный сон, и вспоминать о нём только лишь рассказывая детям про безэлектрические времена...

Что же касается жизни в других странах, то об этом подавляющему большинству населения было ровным счётом ничего не известно. Ещё бы! В условиях полного паралича транспортной системы теперь и соседний город казался далёкой границей. Телефонной связи же, естественно, не было и в ближайшие несколько лет и быть ещё не могло. Но на уровне правительств дипотношения поддерживались. Очень редко, но послы стран на самолётах, управляемых опытнейшими пилотами полностью в ручном режиме, наносили визиты друг другу, обменивались опытом выживания в сложившейся ситуации.

Из соседей по континенту наиболее безболезненно смогли перенести пик тяжёлого времени (зиму и начало весны) Германия, Швейцария, Бельгия, Швеция и Норвегия. В основном им удалось это за счёт высокого уровня организации действий по минимизации последствий удара стихии, а также за счёт больших запасов нефтепродуктов и продовольственных товаров в хранилищах.

США же пострадали больше, чем другие государства, и понесли огромные человеческие потери из-за отсутствия должного запаса продовольствия и горючего в преддверии зимы, а также из-за их традиционной зависимости от импорта нефти из стран Персидского залива и из России. Совершенно непредсказуемо и неожиданно для всех стран евразийского континента, в начале 2015 года Штаты разорвали дипотношения с ними. Послы США навсегда покинули эти страны. Более ничего, что там происходило, никому не было известно.

Глава 6. Враг идентифицирован

...Тем временем в холле собиралось всё больше и больше народу. Пришёл Шталенков, поздоровался со мной.

– Дмитрий Юрьич, а Вы уже в курсе, что там разведчики вынюхали? – обратился к Шталенкову Андрей.

– Нет, ребята, – покачал головой полковник, – дело это слишком засекреченное, только генералы «в теме».

В зал заседаний уже начали запускать собравшихся. По большей части это были сами же ФСБешники, представители Министерства обороны и избранные журналисты, в основном ведомственные, такие как Андрюха. Таких как я, гражданских, скорее всего, тут больше не было. С другой стороны, пропуск на Лубянку был оформлен на меня как на спецкорреспондента, хотя я таковым и не являлся. Но в любом случае мне было оказано доверие, и я его ни разу ещё не подорвал. Можно сказать, я был на поруке у Шталенкова, а он являлся фигурой хоть и не первой величины, но и далеко уж не последней. Хотя имел он не самое высокое звание, к нему прислушивались, ему верили.

Доклад начался ровно в четыре часа. Когда на трибуне появился генерал-майор Измайловский, в зале воцарилась полная тишина.

– Мы столкнулись с неизученной, беспрецедентной и невиданной до настоящего момента угрозой, – поприветствовав собравшихся, начал Измайловский.

Последующие минут пятнадцать его речи собравшиеся слушали про детали проведённой операции по выявлению шпиона и его поимке. Но все ждали другого... И, наконец, дождались.

– В ходе допроса Тарасюка (так, кажется, была фамилия того шпиона), а также проведённой работе по изучению всех материалов, изъятых у него, было установлено, что Соединённые Штаты Америки развернули полномасштабную военную операцию против всего евразийского континента с применением неизвестного биологического оружия. Плацдармом для наступления служит Афганистан, в котором на протяжении уже многих лет дислоцируются многочисленные американские военные группировки, – перевёл дух Измайловский. – Все мы знаем о происходящем на протяжении последних месяцев в Азиатском регионе. Так называемые «нелюди» или, как сейчас говорят, «афганцы» – это оружие нового поколения, применяемое США с целью полного истребления населения нашего континента. Кто эти «нелюди», как они функционируют и из чего состоят на данный момент – доподлинно неизвестно. Известно одно: это бывшие люди, ныне таковыми не являющиеся, – продолжал генерал-майор.

В зале начали перешёптываться. Мы с Андрюхой переглянулись.

– Как было установлено в ходе оперативного расследования, данный шаг со стороны США является попыткой установления полного контроля над всей территорией евразийского материка. Стремление США к господству над Евразией обусловлено катастрофическим состоянием внутри самой страны: голод, вымирание населения, острая нехватка энергоресурсов и мощностей для восстановления топливно-энергетического комплекса страны. Установлением контроля над нашим материком путём невиданного за всю историю Планеты геноцида США надеются обеспечить себе как доступ к колоссальному количеству ресурсов, в том числе и энергетических, так и к территориям для последующего расселения на них, – закончив свою реплику, Измайловский поднёс к губам гранёный стакан и сделал несколько глотков.

Все находившиеся в зале круглыми глазами и с приоткрытыми ртами глядели на выступающего. Журналисты судорожно бегали карандашами по своим тетрадам, записывая слова генерал-майора.

– Сегодня же вечером, – продолжал Измайловский, – состоится экстренное заседание глав силовых ведомств, на котором, с учётом нового видения беспрецедентной угрозы всему

материку, будут приняты решения по противодействию угрозе и реализации комплекса мер по обеспечению защиты территории России. Как всем известно, в настоящее время наши войска удерживают оборону на следующих рубежах: Волгоград, Самара, Челябинск.

На белом экране с помощью проектора была спроецирована карта фронтов.

– В нескольких километрах за фронтом организована плотная линия обороны, созданная с целью недопущения прорыва этих нелюдей в глубь территории нашей страны. Пока фронт держится и не сдаёт позиции уже на протяжении недели, закрепившись на указанных рубежах. Но враг ведёт себя совершенно непредсказуемо, и существует угроза прорыва фронта в любой момент. Также крайне часты случаи дезертирства в рядах обороняющихся. Связано это с тем, что воевать против, так сказать, «зомби» порой даже ветеранам страшно, – несколько неформально заключил генерал-майор.

Измайловский продолжал: «С момента введения ЧП враг углубился на территорию нашей страны на девяносто километров. В настоящий момент наиболее приоритетными задачами являются: не позволить американским «зомби», назовём их так, ещё больше углубляться на территорию России, эвакуировать из опасных районов как можно больше гражданского населения, мобилизовать максимальное количество военнообязанного населения к местам боевых действий, обеспечить поддержку фронтов с тыла в первую очередь боеприпасами, продовольствием и медикаментами и, наконец, изучить применяемых американцами «зомби» для поиска наиболее эффективных средств борьбы с ними. На данный же момент доподлинно известно лишь то, что эти чудовища в человеческом облики обладают нечеловеческой силой, и что они активны только в ночное время суток. За время противостояния этим «афганцам» военные не зафиксировали ни одного случая атаки с их стороны в светлое время суток»...

Больше ничего интересного сказано не было. Только в конце своей речи Измайловский обратился к журналистам, присутствующим в зале:

– В целях недопущения всеобщей паники журналисты не должны обнародовать следующие подробности, касающиеся неизведанной угрозы. Далее генерал-майором был зачитан список подробностей, который ведомственные журналисты, давшие подписку о полном и безоговорочном подчинении воле руководящей верхушки, под страхом трибунала не должны были вынести за стены зала заседаний. К таким подробностям относились сведения о спецоперации по задержанию и нейтрализации шпиона, данные о замысле США по глобальному истреблению населения материка и, безусловно, о том, что противостоящие регулярной армии силы – не люди. Сводилось всё к тому, чтобы население было проинформировано «О начатой США масштабной военной операции против России с целью её полной оккупации». После доклада мы с Андреем и Шталенковым пошли в кабинет последнего.

– Чайку? – Шталенков окинул нас вопросительным взглядом.

Мы, поблагодарив его, утвердительно кивнули. Полковник достал из верхнего ящика стола три кружки, две из которых он всегда хранил там для гостей. Затем подошел к установленному около окна дизельному генератору и дернул за тросик. Генератор громко затарахтел. Шталенков вернулся к столу и нажал кнопку на электрическом чайнике. Мы с Андреем сели на диван напротив стола дяди Димы. Минут пять, пока закипал чайник, все трое сидели молча, погруженные в размышления над услышанным на докладе. В любом случае при тарахтении генератора разговаривать было не очень удобно. Когда чайник закипел, Шталенков вырубил генератор и разлил кипяток по кружкам, предварительно разлив туда заварку...

– Мда-аа... – протянул Шталенков. – Зомби, блин. Да кто ж они, чёрт побери, такие-то?! – задал он вопрос, не требующий ответа.

– Надо бы на исследование парочку сюда приволочь, – сделал логичный вывод Андрей, с задумчивым лицом сделав глоток и поставив чашку на столик у дивана. – Очевидно, шпион этот не выдал, что это за чудо техники такое, сам потому что не знает.

– А давайте-ка, парни, привезём сюда это чудо, пусть вон медики-эксперты поковыряются! – очень задорно ответил на реплику Андрея Шталенков. – А то на видео-то мы на них насмотрелись – страа-ашные... – шутливо протянул он. – А в душе, может, добрые и отзывчивые? – пародийно детским голосом протянул дядя Дима.

В этот момент я делал глоток чая, но завершить его не успел... Я так гоготнул прямо в кружку с чаем, что и я сам, и Андрюха были прилично поражены брызгами от моего напитка. Андрюха и сам взорвался громким хохотом.

– Сегодня вечером на экстренном заседании я намерен выступить с предложением отправить отряд бойцов к линии обороны и подкараулить там единичную тварь. К фронту лезть нет желания – слишком рискованно. А вот подстеречь заблудшего афганца в какой-нибудь прифронтовой деревушке – дело плёвое. Ну так, пацаны, – на блатной манер выговорил слово «пацаны» Шталенков, – нет ли желания скататься на СПА-процедуры, поваляться пару-тройку часиков в грязевой, так сказать, ва-анне, выпить чашечку кофэ где-нить под Самарой, а?

Не нужно было ничего и отвечать: Шталенков слишком хорошо нас знал, чтобы понять, что прозвучавший вопрос был автоматически квалифицирован нами как риторический. Конечно, мы были готовы, без всяких сомнений! Мы попросили сегодня же вечером сразу после заседания прислать к нам кого-нибудь, чтобы рассказать нам, было ли принято положительное решение по предложению Шталенкова.

Обратно с Андреем ехали все взбудораженные. Мы почему-то несколько не сомневались в успехе предстоящего выступления Шталенкова с инициативой отправить отряд за «языком» (хотя афганец вряд ли мог представлять собой «языка» в классическом смысле этого определения).

– Дашка, Дашка, ты представляешь чего? – начал я с порога. – Скорее всего, мы с Андрюхой на войну поедem! – взволнованно протараторил я.

Я рассказал Даше и про сегодняшний доклад Измайловского и про то, что, вероятно, в момент моего рассказа обсуждал на экстренном заседании Шталенков. Сразу было понятно, что она уж точно не разделяет нашего с Андреем стремления принять участие в довольно опасной операции, а напротив, что она очень напугана и не хочет этого.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что это вам не игрушечки?! – крайне серьезно начала Даша. – Сам прекрасно понимаешь, что твари эти не изучены. Даже если вам удастся одну подкараулить и пристрелить, так, может, они какие-нибудь радиоактивные или еще что? Но, если честно, я боюсь, что даже ваш отряд может нарваться не на единичную бестию, а на группу их – и что тогда??? – голос ее задрожал, и она крепко обняла меня.

– Малыш, ну не волнуйся же так! – я тоже крепко обнял Дашку, – в пекло нас никто посылать не будет. Ну, Шталенков же планирует, не кто-нибудь! – я сделал огромное ударение на фамилию. – Мы даже на пять километров к фронту не приблизимся. Там просто афганцы поодиночке проскакивают через фронт и мыкаются между фронтом и линией обороны... Конечно, даже если с десяток гражданских такого среди ночи встретят... Эхх... Несладко придётся несчастным. Но мы-то с отрядом целым собираемся! Одного-двух духов этих в решето превратим – и глазом моргнуть не успеют! – уверенно-бодрым тоном убеждал я Дашку, у которой по щёчкам текли слёзы. Она знала, что мы всё равно сделаем по-своему, и что нас не отговаривать, и скорее все её доводы «против» были просто криком души. Плюс ко всему, в случае, если операции суждено будет состояться, Даше придётся некоторое время остаться дома одной, а времена были отнюдь не самые благоприятные. Не успели порадоваться отмене одного ЧП, как меньше, чем через год на тебе – второе! И причина-то первого – цветочки в сравнении с причиной второго. Кто знает, что будет дальше! Может быть, нас всех перебьют к едрени-матери, и это совсем не Освенцим, не противостояние homo sapiens себе же подобным. И если тогда, во время Второй мировой войны, расклады сил были примерно равны, ну или хотя бы преимущество одной противоборствующей стороны перед другой было относительно неболь-

шим, то теперь бойцы с автоматами и на бронетранспортёрах были сродни первоклассникам, противостоящим в драке кандидатам, да что там, – мастерам спорта по каратэ!

Я очень волновался за Дашу, но я должен был ехать. И не то, что без нас с Андреем или конкретно без меня там не справятся, нет... Я сам желал этой «вылазки», хотел воочию посмотреть на врага. К тому же я был у Шталенкова на хорошем счету и, прояви я себя с лучшей стороны в работе на ведомство, я мог претендовать на дальнейшее трудоустройство туда на постоянной основе. Но и не это главное, вовсе нет. Главное то, что идёт война, настоящая, да такая, какой ещё не было. Война, нацеленная врагом на полное истребление популяции материка или даже всего континента, война с применением то ли новейших биотехнологий, то ли самой нечистой силы. И пусть я и мог претендовать только лишь на роль водителя в этой стратегически важной операции (я время от времени подрабатывал на ФСБ на своей машине), но я хотел внести хоть какую-то лепту в борьбе за выживание миллионов людей.

– Что там от тебя-то нужно? – всхлипывала Даша.

– Ну, Андрей поедет с оператором, им надо будет материал отснять, – отвечал я Даше, – а я их повезу... У них ещё оборудования много, то есть нужна машина отдельная. Ну а почему ж мне не ехать? Я тоже хочу хоть чем-то помочь в этой войне! Не всё же время с генераторами ковыряться, когда всеобщая мобилизация... Я не хочу отсиживаться, мне совесть не позволяет.

– Езжай, мой хороший, езжай! – сквозь слёзы говорила Даша, прижимаясь изо всех сил ко мне. – Я тебя понимаю, просто мне страшно!

– Не волнуйся, приеду целёхонький, – бодро сказал я и поцеловал свою девочку.

Глава 7. Война наступает на пятки

В половине первого ночи 24.07 в дверь постучались. Я пулей подлетел на стук. На пороге стоял человек, присланный Шталенковым. Я как-то видел его, выходящего из кабинета дяди Димы.

– Вы Антон? – спросил он меня.

– Здравствуйте. Я самый!

– У Андрея я был, ему всё рассказал. Завтра будьте на своей машине в пятнадцать часов у проходной на Лубянке. Оттуда колонна выдвинется в шестнадцать. Можете с собой ничего не брать – пайки, бензин, спальные мешки и прочее уже организовано. Вопросы?

– Ни одного. Хотя... На сколько примерно едем? – решил удовлетворить своё любопытство я.

– Туда, там берём объект, и обратно. Дней пять максимум. Если объект сразу попадётся, то три дня.

– Спасибо.

Человек Шталенкова, попрощавшись, ушёл.

Проснулись мы в одиннадцать. Я решил выспаться как можно лучше, ведь поспать теперь получится не раньше завтрашнего утра. В половине первого дня встретились с Андреем, дошли до гаража, завели мою Хонду и поехали на Лубянку. По пути заскочили за оператором, товарищем и коллегой Андрея. Приехали точно к сроку, к пятнадцати часам. Возле проходной уже стояли три ЗИЛа и «ГАЗель», все защитного окраса. ЗИЛы огромные, военные, на трёх парах здоровенных колёс каждый, с предназначенными для перевозки людей кузовами у двух из них. Такими раньше, до «конца» света, возили к месту несения воинской службы призывников. В этих ЗИЛах уже сидели бойцы в камуфляже. Один ЗИЛ с большой цистерной вместо кузова и с надписью «дизель» на ней. «ГАЗель» тоже была тентовая, но без скамеек в кузове. Зато в нём я заметил два пулемёта и десять здоровенных канистр, очевидно, с бензином.

Непосредственно у КПП стоял и курил Шталенков. Мы вышли из машины, подошли к нему.

– Мы и не сомневались, что сегодня поедем! – весёлым голосом сказал Андрей, протягивая Шталенкову руку.

Шталенков, улыбаясь, подмигнул.

– Я вчера только озвучил предложения и сразу добро дали, – ответил дядя Дима, пожимая уже мою руку. – Короче, едете под Самару, там деревушка есть, Колокольцевка называется, она аккурат в пяти километрах от фронта. Так вот там, судя по имеющимся данным, наименьшее количество афганцев за линию фронта прорвалось, так что там относительно безопасно. Бензина – сто двадцать литров, тебе, Антох, – обратился ко мне Шталенков, – ещё и на юга скататься останется; бойцы в отряде – ребята надёжные, четыре снайпера с вами. Камера, плёнки, инфракрасные объективы с собой? – шутливо командным голосом отчеканил Шталенков.

– Так точно, дядя Дим, – приложил вытянутую ладонь к правому виску Андрюха.

Итак, всё было готово к выезду. Шталенков познакомил нас с водителями трех ЗИЛов и «ГАЗели». Времени – шестнадцать часов; наша колонна выдвинулась в сторону трассы М5 Москва-Челябинск. «ГАЗель» ехала в голове колонны, следом мы, за нами ЗИЛы с бойцами, а замыкал колонну ЗИЛ-заправщик.

Первые километров двести пятьдесят не было ровным счетом ничего примечательного. Проехали Рязань. Так как скорость колонны была небольшой, порядка семьдесят километров в час, солнце уже начинало спускаться за горизонт. Андрюха сидел рядом и ловил кайф от прослушивания старых дисков, коими изобиловал бардачок моей машины, и которые ему теперь казались чем-то необычным, особенным. Ещё бы! За полтора года без электричества мой друг

уже отвык от музыки. Я же частенько работал на машине и ничего эдакого в прослушивании дисков не находил, – подумаешь, невидаль! Да и было мне в тот момент не до музыки... Я очень сильно волновался, хоть виду и не подавал. Мне ни разу с «Конца» света» не доводилось выезжать куда-нибудь дальше, чем в ближайшее Подмосковье. Катался в основном по Москве, да и то не часто: от силы пару раз в месяц, когда Шталенков просил. Получал я по десятку продовольственных талонов за поездку плюс бензин. Но теперь, когда мы ехали среди лесов и полей по совершенно пустой трассе к месту, где нам предстояло встретиться с жуткими тварями, было как-то не по себе! Конечно же, тот факт, что позади едут два десятка матёрых бойцов, вселял уверенность, но напрочь изгнать из головы подсознательное волнение тем не менее было невозможно. Ещё часа через два с половиной стало совсем темно. Пару раз во встречном направлении проехали мимо нас легковые автомобили, на крышах и в приоткрытых багажниках которых были огромных размеров тюки. Я удивился и сразу не понял, что это могли быть за машины и кто и куда в них мог ехать среди ночи, да ещё и везти какие-то непонятные тюки. Спросил Андрюху, вдруг он знает, но он только пожал плечами и развёл руками. Оператор, которого тоже звали Андрей, дремал на заднем сиденье. Из аудиоклонок негромко доносилось пение Владимира Высоцкого: «Идёт охота на волков, идёт охота!»... «М-да... Идёт охота на людей, идёт охота...» – отголоском подсознательного волнения невольно подумалось мне. Мы оба с Андрюхой ехали погружённые в свои мысли. Мне же было очень легко и от этого непривычно вести машину по абсолютно пустой, некогда бывшей одной из самых загруженных федеральных трасс. Никаких фур, которых каких-то четыре года назад, едучи по этим же самым местам, приходилось то и дело обгонять с риском влететь во встречный автомобиль, никаких рейсовых автобусов – пустота. И было страшно от темноты и пустоты. Правда, деревни, которые то и дело встречались то слева, то справа на нашем пути, заставляли немного расслабиться: в окнах теплился свет от свечей, из труб на крышах валил густой дым, очень красиво поблёскивавший в свете луны и наполнявший воздух за окном приятным ароматом деревни.

Совсем уже глубокой ночью, часа в три или в четыре, вдалеке я заметил несколько фар, режущих своим светом напололам крошечную тьму. Когда мы поравнялись, я узнал в едущих навстречу машины, подобные встретившимся нам ранее, все увешанные тюками. По мере движения такие машины стали встречаться нам всё чаще. Но самое главное и необычное было в том, что, помимо машин, нам стали попадаться конные упряжки, в которых сидело по семьдесят человек. В упряжках тех можно было также разглядеть и наваленные тюки, такие же примерно, какие перевозились на машинах. И тут мы с Андреем всё поняли: чем ближе мы подъезжали к Самаре, удаляясь тем самым от Москвы, тем больше нам навстречу ехало беженцев! Как же мы не догадались раньше! Ведь в каких-то километрах в трехстах впереди свирепствует невиданной силы нечисть, рвущая голыми руками военных и гражданских без пощады и жалости. И хотя линия обороны, организованная военными в тылу фронта километров за пять от него, пока и справлялась со своей задачей по уничтожению одиночных, прорвавшихся через фронт афганцев, слишком страшно было местным жителям оставаться вблизи боевых действий, вблизи возможной страшной смерти от рук то ли людей, то ли чертей.

Поразительно было наблюдать всё увеличивающиеся колонны всевозможного транспорта по мере того, как рассветало. По совершенно безлюдной ночью, а теперь достаточно оживлённой трассе встречалось всё больше и больше караванов,двигающихся в сторону Москвы. Причём гужевых повозок встречалось уже гораздо больше, чем автомобилей. Они плелись длинными цепочками, обгоняемые машинами. В отличие от ночного образа обвешанных тюками машин, теперь можно было рассмотреть и тех, кто был внутри. В средних размеров легковушке ехали человек по семь: двое спереди и пять, а то и шесть человек, сзади. Каждая без исключения машина, встречающаяся нам, была заполнена до отказа. Были и грузовики, в кузовах которых сидело по несколько десятков человек. Даже в кузовах самосвалов. Люди, погрузив

самый необходимый скarb в машины, лошадиные упряжки, кто как мог покидали свои родные края на неопределённый срок, а может быть, и навсегда...

Картина, которую нам пришлось наблюдать, заставляла сердца съёживаться от какого-то щемящего грудь ощущения безысходности. Устремившиеся прочь от смертоносной угрозы, караваны напоминали сцены из фантастических фильмов, где инопланетные завоеватели в неравной схватке с человечеством захватывали и опустошали города, готовые в небольшой срок стереть с лица Солнечной системы человеческую цивилизацию.

От осознания того, что нам всем грозит, вероятно, полное истребление в пользу заселения материка беспощадными, позарившимися на наши колоссальные природные ресурсы, американцами, уже стёрших с лица Земли при помощи своих зомби несколько стран, я ещё отчетливее осознал свою роль в операции, на выполнение которой и ехал наш отряд. Хотелось сделать всё, что в моих силах, чтобы посодействовать тяжелейшему противостоянию наших войск этой заразе, огромными толпами напирющей со стороны Афганистана...

Глава 8. Трофей

Рассветало. Наша колонна уже проехала километров триста в сторону Москвы. Первые километры пути, пока сильны были впечатления от увиденного, я вёл машину с дрожащими руками... В горле было сухо, как никогда. В кузове «ГАЗели», ехавшей передо мной, как и на пути в Кол о кольцо в ку, лежали теперь уже не только пулемёты, но и страшный груз, который, вероятно, ещё дышал.

Когда было уже около пяти утра, возглавляющая колонну «ГАЗель» помогала и приняла вправо. Я сделал так же, предварительно оповестив ехавших за мной ЗИЛов сигналом поворотника. Колонна встала у обочины, водители всех машин поспешили подойти к водителю «ГАЗели», который вышел из кабины и направился к кузову. Из кузова же слышался страшный вопль. Мы с Андреем переглянулись, сбавив шаг. Кто-то окликнул бойцов, дремлющих в ЗИЛе, чтобы с автоматами подошли к «ГАЗели». Пока семеро военных с АКМами не подбежали к «ГАЗели», никто не решался заглянуть под брезентовый тент. Когда же пятеро бойцов направили дула автоматов на кузов «ГАЗельки», двое других синхронно схватив брезент слева и справа, резко подняли его. Из кузова раздался ещё более сильный вопль, от которого даже вояки изменились в лице. В кузове лежал почтидохлый афганец, тело которого неимоверно трясло. Было очевидно, что он отреагировал так на солнечный свет. Бойцы, поднявшие брезент, от оцепенения и, может быть, инстинктивно, опустили брезент. Тварь сменила оглушительный вой на гораздо более тихое, глухое постанывание.

– Похоже, солнышко ему не нравится, – громко заключил водитель «ГАЗели». – Мы, как выехали, я его слышать не слышал, так, хрипел себе понемногу. Как солнце всходить стало, он начал громче вопить. Минут десять назад уже начал недуром орать. Похоже, когда на кочках брезент колыхался, и солнце в кузов проникало, он на это и реагировал.

– Очень похоже на то, – сказал Андрей, оператор, который успел запечатлеть процесс поднятия тента солдатами на камеру.

– Ребята! – обратился водитель «ГАЗели» к военным. – Давайте завяжем поплотнее выход, – он махнул рукой на свободно болтающийся кусок брезента, который служил этакой дверью для доступа в кузов, под тент.

Затем солдаты вместе с водителем плотно привязали «дверь» веревками к кузову через специальные гаки, существующие для этой цели на кузове. Вновь все расселись по машинам и продолжили путь.

Приехали на Лубянку поздно вечером. С Андреем решили зайти к Шталенкову, вдруг он ещё на рабочем месте. Он часто засиживался допоздна у себя в кабинете, ведь он был холост и дома его никто не ждал. И, как мы и предполагали, дядя Дима оказался у себя в кабинете; он пил чай и читал какую-то книгу.

– Парни, – радостно воскликнул Шталенков, – как быстро-то вы, офигеть! А я бы через десять минут уже домой убежал, а тут сюрприз такой. Ну, рассказывайте, показывайте.

Мы рассказали Шталенкову в деталях, что и как было в эти три дня, и Андрей протянул ему кассету.

– Сейчас посмотрим, – уже никуда не спешил Шталенков, – шарманку заведу только...

С этими словами он включил генератор и телевизор с видеоманитофоном. Вставил в видик кассету. Под клочкотание генератора мы отсмотрели плёнку, пережив с Андрюхой ещё раз весь кошмар, который мы наблюдали воочию.

– Во скотина! – выключив генератор начал Шталенков. – И что, вы его даже живым сюда доставили?

– Да, сами не понимаем, как после такого количества свинца вообще выжить-то можно... Но стонал ещё, гад, когда его медики-эксперты из кузова извлекали, – доложил обстановку я.

– Ну это же просто прекрасно! Столько всего понятно будет после того, как его по косточкам разберут. Езжайте спать, пацаны, у вас мешки под глазами. Я завтра к четырем дня пришлю за вами машину. Приедете сюда за пряниками, да и, думаю, завтра же нам про афганца вашего расскажут на заседании.

Мы поехали по домам. Но нам не терпелось, чтобы завтра поскорее настало. Любопытство распирало нас. Было безумно интересно получить ответы на уже несколько месяцев интересующие всех вопросы: кто они, эти треклятые афганцы, и как можно эффективнее им противостоять.

Да, вероятно, военным следовало в первые же дни, а не спустя два месяца после нападения американских «зомби» на Россию, организовать подобную нашей операцию по доставке «образца» афганца для изучения военными медиками-экспертами. Но настолько массированными оказались набеги нечисти и кровопролитными бои, что в первое время никто и не думал о необходимости изучать врага; всё военное командование было озадачено разработкой стратегии отпора агрессорам, укреплением позиций и формированием линий обороны за фронтом. Да и времена не те сейчас, что раньше были: авиация теперь – роскошь, всего несколько вертолётов имеются на фронтах и они никак не могут быть зафрахтованы для дальних полётов в тыл, они нужны, как рыбе вода там, в самом пекле. Оставалось только снаряжать военизированную колонну из Москвы, а не наоборот. Ведь там, на фронтах, настоящая мясорубка: каждая ночь – неопиcуемый кошмар для солдат, которые деморализованы, напуганы. Световой день там уходит на восстановление и укрепление позиций, на то, чтобы похоронить растерзанных, и чтобы солдаты могли отдохнуть и наспех пройти сеанс беседы с военными психологами. Ведь то, что там творится, зачастую не под силу выдержать даже закалённой в боях психике матёрых бойцов, не то, что солдат-срочников!

Уже за полночь я постучался в дверь родного дома. Радостная Дашка встретила, лицо её светилось от счастья. Я рассказал ей все кошмары предыдущей ночи. И так как я еле стоял на ногах от усталости и от двух бессонных ночей, мы очень скоро легли спать.

На следующий день ровно в шестнадцать часов нас с Андреем забрала машина и привезла на Лубянку.

Как всегда сперва мы направились в кабинет к Шталенкову. Он обрадовал нас тем, что генерал-майор Измайловский через час выступит с докладом по результатам работы над привезённым нами нелюдем. Час пролетел за чаем незаметно, и вот мы уже сидели в зале заседаний в ожидании доклада генерал-майора.

– Я хотел бы поблагодарить Шталенкова Дмитрия Юрьевича за оперативно проведённую операцию по доставке с фронта образца противостоящих нашим войскам «зомби», – начал выступление вышедший на трибуну Измайловский. Затем он немного рассказал о том, как происходила наша операция. Мы сидели гордые и довольные, слушая, как хвалят наш отряд за проделанную работу.

– Наши медицинские и военные эксперты изучили предоставленный видеоматериал, а главное, самого бойца противоборствующих сил. Результаты работы экспертов позволяют сделать нерадостные выводы: те, кто атакуют по ночам наши позиции, всё глубже продвигаясь на территорию нашей страны, не люди. Но это уже давно ни для кого не секрет...

Во время речи Измайловского с помощью проектора на белый экран выводились изображения, как с видеоряда, заснятого оператором Андреем, так и фотокадры из лаборатории ФСБ. На последних видно, что ещё живой афганец, привязанный толстыми хомутами к операционному столу, пытался дёргаться и вырваться из надёжных оков. Можно было видеть, как лицо его сводило в судорогах от света ламп. Сам он был похож на человека, предположительно арабской наружности, одетый в изрядно запачканный темно-чёрной спёкшейся кровью камуфляж. Но цвет его кожи был тёмно-зелёным, отчего афганец этот одним своим видом вселял

какое-то животное чувство страха. Тело его уже толком не было похоже на тело человека, так как было сплошь изорвано пулями.

– Представленный на изображении солдат, – генерал-майор, сделав пол-оборота, указал рукой на экран, – это обычный человек, афганец в прямом смысле слова, в прошлом. После каких-то медицинских вмешательств в его организм, вероятно, уже после смерти, он приобрёл нечеловеческую физическую силу и обострённое осязание, при этом он [афганец] полностью лишён человеческого разума. Кожный покров у этих нелюдей в три раза более плотный по сравнению с человеческим, наряду с подкожными жирами, способными к почти стопроцентному замедлению скорости пули, выпущенной с расстояния семьдесят-сто метров из автомата Калашникова. Также его организм устойчив к обильным потерям крови, которая, в свою очередь, имеет повышенную свёртываемость. Данные факты в разы снижают эффективность применения против них огнестрельного оружия. Они не чувствуют боли, а чувствуют только инстинктивное раздражение от нарушения штатного функционирования организма. Существенным недостатком их устройства является нетерпимость к свету, преимущественно к солнечному. На солнце у этих тварей происходит резкое повышение температуры тела, и пульс их увеличивается в несколько раз, вследствие чего сосуды сердца нелюдя, не выдерживая перегрузки, разрываются. Прямо под затылком у него был обнаружен неизвестного происхождения микрочип, который в настоящий момент изучается нашими инженерами. Данная особь, назовём её «зомби», не имеет собственного разума, а движима, вероятно, при помощи неких команд извне. Вероятно, но не точно, что найденный микрочип – есть ни что иное, как некий приёмник, посредством которого эти зомби и управляются. Но, повторяю, информация данная предварительная и по мере изучения материалов будут докладываться дополнительные подробности.

Сидящие в зале шёпотом, но достаточно оживлённо, начали переговариваться, пока Измайловский прервался, чтобы сделать пару глотков воды. Фактически ответ на вопрос, терзавший всех долгие два месяца, был обнародован. Наш враг – человекообразное существо, каким-то образом перевоплощенный в машину для убийств людей. Это существо – плоды трудов американских спецслужб и врачей. «Как они управляются? Радиоволны?! Но как это возможно в условиях дефицита электроэнергии на всей Земле? Кем были эти люди до их превращения в чудовищ? Как дать им отпор, принимая во внимание их трехкратное превосходство над людьми?» – эти и многие другие вопросы без ответов на них пронеслись вихрем у меня в голове в эту семисекундную паузу.

Больше ничего интересного на том докладе не было. Мы с Андреем были невероятно горды тем, что внесли посильный вклад в борьбу с американской нечистью. Но в ближайшие месяцы на нашу с ним долю более не выпадало никаких значимых заданий. Только обычная, повседневная работа.

Глава 9. Конец «Света»

27.10.2016, четверг.

Оборонительные силы Российской армии # месяц назад были на голову разгромлены не иссякающими потоками афганцев и отброшены с предыдущих рубежей обороны назад, в глубь страны. Держа оборону в течение без малого полгода, погибло немыслимое число наших солдат, многие из которых, не выдерживая жесточайшего психологического давления от происходящего на ночных полях сражений, кончали жизнь самоубийством. Из-за всеобщей мобилизации абсолютного большинства мужского трудоспособного населения темпы восстановления электроснабжения страны упали до рекордно низких за всё время с начала «Конца» света». Обострилась до предела ситуация с поставкой горюче-смазочных материалов не только гражданскому населению, но и на фронт. Осложнилась и ситуация с ремонтом и производством вооружения и техники для обеспечения измотанной и полуголодной армии. Всё это спровоцировало и накаливало ситуацию в городах, в первую очередь крупных, таких как Москва и Санкт-Петербург. Да и о происходящем в остальной, не европейской части нашей страны, было ничего, ну или почти ничего не известно: государство было отброшено на несколько веков назад, когда весточки из отдалённых окраин нашей Родины могли месяцами, теряя свою актуальность по пути, с торговыми или военными обозами идти до столицы. Но теперь... Теперь ещё с огромной скоростью различные регионы страны, продолжающие автономно держать оборону, как куски от пирога отрезались друг от друга страшными чудовищами, хоть и в получеловеческом облики. То, что творилось восточнее Поволжья, уже доподлинно не было известно.

В Москве и Петербурге жизнь шла почти своим привычным чередом, по нынешним меркам, конечно. Но день ото дня, по мере того, как всё больше и больше военнообязанных мужчин покидало город и отправлялось на фронт, обстановка становилась всё более напряжённой в криминальном плане. Женщины с детьми, оставшиеся одни в своих квартирах, всё чаще и чаще становились жертвами грабежей и насилия со стороны расплодившихся в городе уголовников и отчаявшихся, переступивших моральные рамки и рамки закона мужчин. Власти всё хуже справлялись с задачей поддержания порядка в городах. О маленьких же городах и говорить нечего: там относительно давно уже воцарилась полная анархия. В какой-нибудь Рязани или Туле – именно на этих рубежах сейчас удерживали свои позиции военные группировки – жить уже было невозможно. Кто сумел, бежали в Москву, совсем счастливики – в Питер, ведь чем дальше и севернее, тем безопаснее убежище можно было найти. Нечисть подступала уже совсем близко к переполненной беженцами (в основном теми, кто не мог оказывать содействие фронтам: стариками, женщинами, детьми и инвалидами) столице. К слову сказать, Питер теперь выглядел куда более благоприятным для жизни местом, чем Москва. Во-первых, потому, что он был расположен гораздо дальше от гильотиной нависшей над головами жителей Московского региона угрозы, ежедневно на шаг приближающейся к перенаселённому мегаполису. Во-вторых, хоть государственное устройство России, да впрочем и любой другой страны, теперь уже мало кого волновало – в обществе царил дух паники, отчаяния и безысходности – власти всё же две недели назад объявили о переносе столицы из Москвы в Санкт-Петербург и, соответственно, ключевые общественные институты (по большей части невоенные) в спешке переводились в город на Неве.

Даша моя всё чаще плакала, казалось бы, без видимых причин. Чего греха таить? Мне тоже очень часто становилось не по себе от осознания того, что происходящее вокруг – не кадры из фантастического фильма про приближающийся конец человеческой эпохи и не кошмарный сон, от впечатлений после которого легко избавиться умывшись ледяной водой... Нет! Это было взаправду. Частенько у меня тоже среди бела дня подкатывал комок к горлу, а в голове мутнело; состояние из нормального превращалось как будто в предобморочное. Это

происходило в моменты, когда в голове проносились мысли, которые лучше моментально прогонять всеми правдами и неправдами. Например, просто хотелось выпрыгнуть из окна или выпить отравы, когда начинал моделировать у себя в голове ход событий, варианты, по которым может развиваться происходящее.

Например, один раз ковыряясь с генератором... (Да, я не был призван на фронт, поскольку всё больше меня привлекал Шталенков для различной помощи ведомству. Так же, как и раньше, я работал в производящей и обслуживающей генераторы мастерской тоже, кстати, по большей части обеспечивающей ими ФСБ.)... Я погрузился в долгое размышление о том, что будет через две недели, месяц, в крайнем случае, через полгода. Но началось всё с того, что мне вспомнилось тринадцатое декабря 2014 года и внезапное выключение света во всём городе... Насколько же тогда мы все, люди, а в частности мы с Дашей, были уверены в том, что не может, абсолютно точно НИКАК НЕ МОЖЕТ произошедшее быть чем-то из ряда вон выходящим. Наверняка очередная авария на подстанции, обрыв какой-нибудь линии, но точно уж не что-то, лежащее за рамками нашего представления. Тогда мне ещё не было и тридцати, и я за всю жизнь свою ни разу не усомнился в незыблемости Земного устройства; ведь «... Земля как крутилась миллионы лет вокруг Солнца, так и будет крутиться ещё столько же, а потом ещё столько же по столько же и до бесконечности...» был уверен я. Только ли я? Конечно, нет! 99 % людей, голову даю на отсечение, были точно так же в этом абсолютно уверены. А тут «БАА-АХ!», тринадцатое декабря, четырнадцатое, январь, март, снова январь, а всё... Нет больше того, к чему привыкли и в незыблемости чего были так уверены... Да, Земля, конечно, не перестала вращаться вокруг Солнца: на смену ночи снова приходил день. Уже не услышать было привычного голоса диктора из телевизора в комнате, не было телефонной связи, способной посредством простых нажатий кнопочек на аппарате перенести твой голос в любой уголок Планеты. Границы возможностей вдруг стали в сотни раз уже: не летали самолёты, не ходили поезда. «Как же так?» – думалось всем. «Ведь это раньше, давным-давно, нельзя было просто так ррра-аз!... и очутиться за скромную сумму в Праге или Гаване. Ну а теперь, теперь-то в XXI веке – это же раз плюнуть!». Но толку-то плевать, когда буквально всё в современном обществе зиждется на электрическом токе, а его нет! Есть немного, но того, что есть, едва ли хватает на то, чтобы просто выжить, а не жить в полном смысле слова. Внезапно стало невозможным покинуть в поисках новых ощущений насиженное место, да и вообще новые ощущения теперь никак не предполагали положительных эмоций – фактически началась борьба за выживание, жестокая и несправедливая. К этому ли шло человечество со своим техническим прогрессом, космическими кораблями и нанотехнологиями? Шло-то, может, и к благим целям, но не дошло, а, будто бы описав в своём развитии громадный круг, вернулось обратно! Точнее, его вернули. Вернули обстоятельства, чьей волей человечество было отброшено на века назад и было к этому совершенно не готово.

Но с этой катастрофой человечество, пусть и с колоссальными потерями, сравнимыми с потерями в Великой Отечественной войне, через год-полтора уже почти смирилось, точнее, научилось выживать в новых обстоятельствах. Всё же последствия «Конца» света» по большей части – техногенные, косвенно влияющие на население планеты. Именно поэтому, вспоминая себя, свои ощущения в первые и самые трудные месяцы после тотального обесточивания земного шара, я вспоминаю человека не унывающего, верующего в преодоление всех невзгод и испытаний, выпавших по воле природы на плечи человечества. Я не терял бодрости духа, потому что понимал, что всё обязательно встанет на круги своя, нужно только переждать, внося свою лепту в восстановление электрической инфраструктуры, а фактически, привычного образа жизни. Поэтому я и выбрал из прочего перечня предлагаемых Шталенковым мест, где бы я мог трудоустроиться, мастерскую по ремонту генераторов. Я знал, зачем делаю свою работу. Своими руками я, как и многие другие, по крупице собирал разбитый вдребезги дурацкими вспышками на Солнце былой образ жизни. И вот от такого осознания собственной

полезности, от веры в то, что потерянное подлежит восстановлению, что всё непременно будет так, как было и, даже лучше, в голову не приходили мысли, подобные нынешним...

Когда мы ездили в Колокольцевку на поимку афганца в качестве трофея для изучения, фронт казался так далеко... В подсознании, конечно, отголоском инстинктивного страха проносилось: «А что, если они нас, а не мы их? Неужели всех истребят, как колорадского жука дачники?», но верить в такие предположения мозг наотрез отказывался. Потому что невозможно поверить в то, что завтра ничего не будет: ни нас с вами, ни наших домов, а будет лишь опустошённая территория, на которой, вероятно, будет заново строиться новыми людьми новая цивилизация. Попробуйте сейчас представить себе, что через каких-то два года не будет ничего, к чему вы привыкли! Уверен, всё это вам покажется не более, чем фантазией, глупым вымыслом, ведь «...Земля как крутилась миллионы лет вокруг Солнца, так и будет крутиться ещё столько же, а потом ещё столько же по столько же и до бесконечности...» Теперь же, когда чуть ли ни сами демоны наступают на горло военным группировкам, из последних сил обороняющим рубежи пока ещё заселённых русскими людьми территорий, волей-неволей мысли, казавшиеся ранее сущим бредом, без конца лезут в голову. Я каждый день думал: «А что же будет совсем скоро? Конец?» И я с ужасом каждый раз осознавал, что ведь ответ на мой вопрос, скорее всего, положительный. В глазах сразу темнело, как в очередной раз, отвлёкшись от работы или насущных забот, мысль о практически неизбежном посещала меня. Очень трудно было при этом совладать с собой, взять в руки и продолжать жить, жить, чтобы попытаться выжить.

Посещали меня также мысли и о том, чтобы бросить всё к чертям и, залив полный бак бензина, поехать не по поручению Шталенкова, а в Питер. Говорят, что питерцы загодя готовятся к обороне, что укрепляют кольцо вокруг города так, что и муха не пролетит! Что весь город там только и занят тем, что роет окопы, выстраивает заграждения, баррикадирует дома и целые кварталы. А всё потому, что при негативном стечении обстоятельств Москва падёт через месяца два-три, максимум через полгода, а территория страны на восток от Поволжья, скорее всего, уже истреблена и кишит мерзкой тварью на радость американскому правительству. Но, несмотря на это, я не имел ни морального права, ни силы духа, чтобы сбежать с «тонущего корабля» и тем самым упасть в грязь лицом в глазах Андрея и дяди Димы Шталенкова. Ведь с накаливанием ситуации в городе, чующем неладное и медленно, но верно, погружающемся в состояние паники и предчувствие конца, всё больше работы поручалось мне Шталенковым, и я нужен был тут. Хотя, положив руку на сердце, признаюсь: как-то раз я даже чуть не совершил опрометчивый поступок и не сорвался с Дашей в более безопасный Питер, который сулил в сто раз больше шансов на выживание, чем Москва. Хотя бы на ближайший год. Случилось это после того, как Шталенков в сердцах рывкнул на меня и задел за живое, сказав фразу: «Парней там, на фронте, на куски рвут, а ты тут как на Кипре прохлаждаешься». Не вспомню даже, к чему он это тогда сказал, но пару дней я сильно на него обижался и подумал, что раз уж он считает, что я «тут, как на Кипре», то мне дорога в Питер – «Кипр» теперь там... Но, немного погодя я остыл и отмёл возможность проявить трусость и уехать от опасности. Как же тяжело в ситуации, в которой мы оказались, делать выбор, когда на одной чаше весов – собственная безопасность и, даже жизнь, а на другой – чувство некоего долга, вопрос: «А кто, как не я?». Но я сделал, как сам считаю, правильный выбор и несколько о нём не жалею.

3.11.2016, четверг.

Я сильно заболел. Слава Богу, Даша в эту аномально холодную осень ни разу даже не простудилась, хотя дома у нас было ужасно холодно; дизель для генератора теперь снова стали выдавать по талонам, один раз в неделю. Мне было не то, чтобы уж очень плохо, но с начала «Конца» света» так сильно я заболел впервые. По этому поводу Даша чрезвычайно сильно волновалась и у неё плохо получалось это скрывать: она по несколько раз за вечер перебирала остатки лекарств, оставшихся у нас в закромах, и всё пыталась отыскать что-нибудь жаропо-

нижающее, с не истекшим ещё сроком годности. Такое её опасение было вызвано недавней смертью нашего соседа – дяди Миши, который сначала просто температурил, а потом, не долечившись, слёг с осложнением. В больницы теперь просто температурающих не принимали... Палаты немногочисленных, пока ещё функционирующих больниц, были сплошь забиты жертвами разбойных нападений, обожжёнными, обмороженными и прочими несчастными, коим и то мест не всегда хватало.

Было часов семь-восемь вечера. Я лежал укутанный одеялами, Даша читала книгу. В дверь постучались. Дашка пошла открывать. Я услышал знакомый голос из прихожей – это был Андрей.

– Здорово! – принеся с собой облако морозного воздуха и расстёгивая куртку, он поприветствовал меня. Он даже не вошёл, нет. Он буквально ворвался в комнату. Лицо его светилось. Его добродушная улыбка заставила улыбнуться и меня тоже. Видно было, что у него есть, что рассказать мне – что-то такое, чего я даже и представить себе не мог! Так и было... – Прикинь чего! – Андрей сел на кресло возле кровати, Дашка – рядышком со мной. – Пока ты тут болеешь...

Андрей рассказал, что был на днях у Шталенкова по очередному поручению. Тот поведал ему, что ведомство, чуя неизбежность поражения при нынешних, силовых методах борьбы с афганцами в теперешних условиях почти полного отсутствия электроэнергии и ресурсов, пошло на решительнейший шаг. Была проведена беспрецедентная по меркам последних лет строго засекреченная диверсионная операция в самом Афганистане, в результате которой раскрылись многие карты, так необходимые нашим военным для дальнейшей борьбы и, возможно, победы над нелюдями. Андрей взахлёб рассказывал:

– ...Ну они с фронтов и из правительственных резервов собрали лучших бойцов, лучших из лучших: лётчиков, штурманов, разведчиков, снайперов, связистов и десантников. Выделили несколько дальнемагистральных самолётов-разведчиков, бомбардировщиков, фото- и видеоаппаратуру, топлива привезли грузовиков тридцать! В общем, где-то возле Тулы развернули невероятную по нынешним меркам базу, Шталенков как раз оттуда недавно вернулся! Наши несколько раз вылетали к Афганистану, удалось снять видео американских баз, местности тамошней... Самолёты – это ваше атас! Пилоты без координации с земли летали... И практики у них уже два с лишним года как нет. Ну, там просто асы, чего говорить! Дааа, вот раньше как всё легко было, когда со спутников-то рраазз и, пожалуйста, – снимочки чего хочешь и где хочешь по всему земному шару, – отвлёкся на ностальгию Андрюха.

– Ну, ну чего??! – с вытаращенными глазами я подстёгивал Андрея рассказывать дальше по сути.

– Короче, несколько раз они туда вылетали. Америкосы, конечно, там готовые были к такому и лупили с земли по нашим, да и пару вертолётов подняли, но чуть замешкались, не ждали, сволочи. Радаров у них, по всей видимости, нет. Наши кое-как ноги вовремя унесли. Потом оперативно, в течение двух дней, имея снимки с самолётов, разработали план высадки десанта к базам. В общем, через пару дней высадили десант. Залетали на высадку сильно сбоку, довольно далеко от базы, шума не подняли. База у американцев в Афгане, судя по снимкам, одна такая самая большая и мощная, так что ошибиться было невозможно. Америкосы спокойно себе сидели, ковбои, блин, коров пасли. А наши десантники своё дело сделали, сумели как-то выпепить там «языка» наиценнейшего, из командования ихнего. Пару раз е...нули там пластидом, кипишь подняли. Американцы такого точно не ждали, тем более теперь, когда уже почти Москву окружили, – не думали, что наши дерзнут... А дерзнули вот! Ну, короче, на американских же джипах, стоявших на базе, диверсанты наши шустро дёру дали. Американцы туда-сюда – машины их подорваны, догонять не на чем. Короче про...бали своё счастье. Забирал наших с языком вместе старый добрый Як-141, он же, кстати, и высаживал.

– Старый добрый? – вопросительно удивилась Даша.

– Ну, блин, Дашка! Это же который с вертикальной посадкой и взлётом! – пожурив Дашку за незнание легендарного самолёта Андрей. Глаза его горели. Он продолжал: – В общем и целом, вчера вечером буквально Шталенков из-под Тулы вернулся, с базы, а сёдня мне всё это и рассказал. Но это преамбула была...

Теперь самое интересное! Короче говоря, прямо там, на базе, «языка» этого конкретненько так допросили. Он, кстати, каким-то очень влиятельным генералом оказался... Не знаю уж, простит ли грешным чекистам Господь их методы, но выложил американец им всё, даже больше слышали, чем мечтали.

Я слушал Андрюху, затаив дыхание. В интонации, с которой он рассказывал и рассказывал нам все подробности, звучало что-то такое, от чего я напрочь забыл и про температуру 38,9 градусов, и про перманентное подсознательное ощущение какого-то груза, предчувствия конца. Теперь, услышав даже половину Андрюхиного рассказа, я воспрял духом. Нет, мы с Дашей воспряли духом. Появилась уже не призрачная, а вполне осязаемая надежда на то, что теперь ход истории вдруг переломится, и что наши войска, обладая знаниями о том, чего Андрюхе ещё предстояло нам рассказать, теперь смогут задушить все попытки Америки захватить континент для воплощения своей корыстной цели и очистить нашу землю от мерзкой твари! Скоро, очень скоро мы, МЫ, а не американцы, оклемавшись от неимовернейших потрясений, будем практически с чистого листа восстанавливать привычный образ жизни на нашем континенте, тот уклад, к которому мы так привыкли до наступления сперва «Конца света», а потом и наступающего и по сей час на горло, «конца «Света», уготованного нам американцами.

– Так вот, – вздохнул продолжал свой рассказ мой друг, – америкос рассказал, что янки ещё давно, начиная с 2001 года, приступили к реализации вынашиваемого ещё со времён «холодной войны» проекта. Называется он, кажется, «Future» («Будущее») и направлен на завоевание России в частности и континента в целом.

– Охохо-хо, – присвистнул я, – глобальненько так.

– А ты думал?! Ну, короче говоря, американцы давным-давно ещё проект этот планировали. В общем, готовы услышать то, чего всех больше всего интересовало все последние годы? Кто они – афганцы-то эти?

– Давай-давай, хорош тянуть уже, – мне не терпелось услышать самое главное. Дашка тоже сидела вся в напряжении, глаз не сводила с Андрюхи.

– Афганцы эти – это убитые, а после препарированные люди из числа как военных, так и гражданских.

– Ничего себе! Хотя вроде так все и думали, догадывались об этом, но всё ж таки как-то уж фантастично звучит это! – я вставил свою реплику после того, как Андрей выдержал секундную паузу.

– Да уж... Но факт есть факт. Сколько наубивали америкосы талибов в Афгане, иракцев, притом как мирных, так и военных – все они теперь и есть эти зомби! Пленный этот понарасказывал подробностей всяких – жуть. Врачи там есть у них – умельцы, блин, так вот они уже лет двадцать практикуются из свежих тел делать зомби послушных. Каким-то образом обрабатывают тела, препарируют. Что уж они там конкретно делают – фиг его знает. Вояка этот тоже небельмесу. Но на выходе – зомби, по физическим характеристикам втрое, нет, впятеро превосходящий человека. Разве что умом они слабоваты, точнее у них его нет.

– Погоди, перебила Андрея Даша, – а как эти трупы ходячие слушаются-то команд или чем они вообще руководствуются?

– Ну чего перебиваешь, сейчас расскажу всё, – ответил Андрей. – Когда мы тогда с Антохой из-под Самары притащили экземплярчик, помните, у него в башке какой-то приёмник нашли врачи с Лубянки? Короче говоря, у американцев в Афганистане стоит прямо недалеко от границы с Узбекистаном огромная параболическая антенна. Она день и ночь на определён-

ной частоте вещает, так сказать. Радиоманитные волны той частоты этих афганцев и гонят в нужном направлении, то есть они как бы от этой тарелки бегут, она им боль доставляет. Ну, а убегая от неё, они всё живое на своём пути и истребляют – это их задача. Они это и умеют только. Им это заложили в головы. Разве что себеподобных не трогают, отличают. Но убивать каждого человека, встречающегося им на пути, – их прямая задача.

– А тарелка-то эта, ну, антенна то бишь, как работает? – у меня в голове с трудом укладывался Андреев рассказ.

– Резонный вопрос. Американцы к проекту этому подошли комплексно. Во-первых, тут же после «Конца» света» они бросили максимум ресурсов на обеспечение функционирования своей базы в Афганистане. Понятное дело, перво-наперво – электроэнергия. Так вот, по словам пленника, развернули они неподалёку от базы небольшую атомную электростанцию, все необходимые ресурсы для которой, естественно, были загодя и в нужном количестве припасены. Собственно, вот и ответ на твой вопрос, – Андрей махнул кверху кистью правой руки, подчёркивая тем самым очевидность ответа.

– Интересно... – протянул я.

– Очень даже, – продолжал Андрей. – Так вот, слушайте дальше. Пока все страны погрязли в процессе частичного восстановления энергоснабжения для поддержания инфраструктуры внутри них, восстановления промышленности, американцы все силы зарядили на приведение в полную боевую готовность своей базы. Во-первых, когда уже было понятно, что «Конец» света» ни на день и ни на два, и что ситуация в мире уже не станет прежней как минимум в ближайшее столетие, американские силы за полгода истребили всё население Афганистана, сволочи. Такого ещё в истории человечества не было, чтобы истреблялось подчистую всё население!..

– Мечта Гитлера относительно евреев, – заметила Даша.

– Во-во, я про то же, – лицо Андрюхи сделалось озлобленно-задумчивым. Он продолжал: – Так вот, забили они до отвала телами свои холодильники, в которых тысячи убитых ждали препарирования для превращения в зомби. Но афганского населения-то для завоевания пусть даже и ослабленной, обесточенной России, всё равно было бы маловато. Американцы всё пополняли резервы своих бойцов-нелюдей узбеками, казахами. Там, в этой их армии нелюдей, полно и иракцев, даром что стольких США истребили в обе Иракские кампании. Ну и в условленный час побежала вся эта мёртвая армия от включившейся тарелки, и началось.

– Весело. Очень весело от таких подробностей... – мне казалось, что на фоне высокой температуры я не мог трезво утрамбовать у себя в голове рассказанное Андреем. Но я старался не терять логики и ясности мышления. – Ну, а что планируют наши вояки, как бороться с нечистью? Наверное, первым делом, тарелку эту трансляционную надо захреначить, нет?

– Правильно, надо. И Шталенков также предложил, но что оно только даст? Да, афганцам уже не от чего будет бежать. Они раздерут американцев ко всем чертям и, по крайней мере, «производство» новых афганцев остановится – это факт. Но это не решит проблемы с десятками или даже сотнями тысяч афганцев, которые уже разбрелись и разбредутся впоследствии по всему континенту? Не, ну, конечно, можно будет им противостоять так же, как противостояли всё это время. Но...

Тут я заметил, что в глазах Андрея промелькнул страх. Его я бы ни с чем не перепутал. Мне вдруг тоже стало как-то не по себе... А вдруг следующими его словами будет: «У наших нет шансов. Нам крышка» или что-то вроде того. Но эту мысль я быстро прогнал прочь, ведь я видел, каким сияющим Андрюха зашёл в квартиру – значит, Шталенков не дал повода вешать головы.

– ...Но наши на фронтах уже не справляются. Каждый день наших всё больше теснят эти бестии, тьфу, блин, чтоб их. Плохо дело, друг, очень плохо. – Андрей покачал головой. – Шталенков, конечно, шутил, уверял, что придумают что-нибудь. Но как-то уж больно всё печально

на данный момент складывается... Даже если сейчас последний раз, огрызнувшись, наши и разнесут эту тарелку, расположение которой, кстати, пленник вот так прям выдать с ходу не может, а знает только примерно, где она, то война с преисподней на этом не кончится, разве что не будет усложняться, но куда уж ещё. Силы на исходе: у войск нет ни оружия, ни техники, ни людей, готовых с вилами на зомби прыгать. Из последних сил воют.

– Мда-а... Дела, – проговорил я сквозь комок, подкативший к горлу. Ну, а что Шталенков говорит, что правительство планирует?

– Правительство сейчас в Питере, задницы свои спасает. Фактически только ФСБ и военные ситуацией владеют и хоть что-то предпринимать могут. Завтра нас Шталенков к себе ждёт. Ты завтра давай, волю в кулак, сопли в платок и на Лубянку. На твоей машине поедem, нет служебной. Бензин есть? – я кивнул. – Отлично, – Андрей встал и, на ходу надевая куртку, прошагал к выходной двери, – завтра утром я зайду. Лечись. Пока.

Андрей ушёл домой. Мы с Дашей, оба погружённые в тяжёлые мысли, готовились ложиться спать.

Глава 10. Норвежские надежды

– Получай, падла! – выкрикнул Андрей и его кулак разбил мужику нос. Кровь закапала на тоненький ноябрьский снег. Мужик вскочил с земли, по касательной нанёс несильный ответный удар Андрею в ухо и, смекнув, что нас-то двое, а он один, со всех ног побежал прочь.

– Как Вы? – обратился я к женщине, которая в слезах собирала с земли и укладывала обратно в авоську рассыпавшиеся банки с консервами и пакетики с мукой.

– Спасибо, я в порядке, – поправив беретку дружелюбно отозвалась средних лет дама. – Если бы не вы... – её голос задрожал. – У меня дома три сыночка маленьких... Вот на месяц впрок получила для них еду, талоны целый квартал берегла. – Она не выдержала и заплакала, прикрыв глаза рукой.

– Ну, чего Вы тут сырость разводите! – нравоучительным тоном произнёс Андрюха. – Далеко живёте? Хотите – проводим до дома!

– Да, хочу. Проводите, если не трудно! – Женщина протянула нам банку тушенки в знак благодарности. Я взял банку и сунул её обратно в авоську женщине. Она улыбнулась, но настаивать не стала. – Я заметила, как он за мной от самой управы ещё следил, но не была уверена, – начала женщина. – Я вот в этом доме живу, – она показала на девятиэтажный дом, стоящий через дорогу метрах в трёхстах от нас. – Народу на улицах достаточно, – продолжала она, – думала, что не рискнёт. А вот за угол только зашла, он как налетит... – дама опять принялась реветь.

– Ну всё, всё... Прогнали мы его, всё хорошо. – Взял её под руку Андрей. – Вы в следующий раз одна не ходите, а с соседями или ещё с кем-то заодно.

Мы проводили женщину до квартиры, снова отказались от предлагаемой банки консервов и продолжили наш путь до гаража. Ходить поодиночке, даже мужчинам, было теперь очень и очень небезопасно. Поэтому с недавнего времени мы с Андреем всегда старались ходить в паре, что по его, что по моим делам. Иногда, конечно, приходилось ходить и одному, но тогда при мне всегда был здоровенный кухонный нож, благо ни разу пока воспользоваться им по прямому назначению не пришлось.

Каждый раз, проходя путь от дома до гаража, я испытывал невероятно гнетущие ощущения от картины вокруг... Большинство брошенных и уже никем не опекаемых автомобилей стояли во дворах и вдоль дорог с разбитыми окнами; кто вытаскивал обшивку салона для разведения костров, утепления квартир, кто воровал различные детали, которые принимали на чёрном рынке народные умельцы, мастерицы генераторы... Многие машины были сожжены вандалами. Местами, во дворах виднелись земляные холмики, едва возвышающиеся над поверхностью: умерших в большинстве случаев хоронили прямо во дворах, ни у кого не было возможности вывозить покойников для захоронения на подмосковные кладбища. Если приглядываться, то по меньшей мере в одном-двух окнах почти каждого дома можно было заметить следы гари – последствия холодных зим при полном отсутствии какого-либо отопления. Если квартиры сгорали вместе с хозяевами, то они моментально становились пристанищем либо бездомных, либо бандитов. Соседи таких притонов нередко становились жертвами их обитателей. Немногочисленные патрули милиции, зачастую, сами боялись соваться в облюбованные уголовниками и бомжами тёмные подъезды и под всевозможными предлогами отказывали обречённым жильцам в помощи. Чаще всего подъезды охранялись самими жильцами, стихийно сформированными дружинами, иногда даже круглосуточно. Сегодня же, в свете того, что у меня по-прежнему держалась высокая температура, но ехать к Шталенкову надо было во что бы то ни стало, и поэтому мы шли с Андреем за машиной в гараж, я испытывал эти мерзкие ощущения совершенно в ином, более подавляющем моё искажённое сознание, свете. Вы, наверное, представляете, что при температуре тела порядка тридцати восьми

с половиной градусов восприятие окружающего мира перестаёт быть чётким и логичным, как у здорового человека. Так и я, глядя на всё это предапокалипсическое уныние, творящееся в нашем спальном районе, воспринимал в тот день всё как кошмарный сон, как какой-то бред. А тут ещё и нападение на женщину усугубило моё депрессивное состояние... В голове у меня звенела мысль: «Труба, крышка нам всем скоро настанет». В отличие от своих обычно трезвых взглядов на кошмарную ситуацию, в которой оказался сейчас город, теперь мне хотелось просто заорать во всё горло: «Да гори оно всё!», забраться на шестнадцатый этаж и... Избавиться оттяжкой действительности. Навсегда. Один чёрт – самому и пораньше, или же зарежут в подворотне за банку консервов уголовники, а то и ещё хуже: раздерут проникнувшие в город афганцы.

– Друг! – я остановился и поглядел на Андрюху. – Ну скажи мне, ну скажи, как ты считаешь, но только правда, п...здец наступает, да?

Видно было, как Андрей немного оторопел.

– Ты чё, Антох, перегрелся видать? – Андрей улыбнулся.

– Да чё перегрелся-то? – ответил я другу достаточно резко и грубо. – Ну, может, и перегрелся, но факт остаётся фактом, нет? Глядишь в январе, ну, от силы, в феврале, афганцы в Москву придут. По-любому придут. И всё, всё тогда, доплясались. Ломанёмся резко со всей двадцатимиллионной толпой в сторону Питера и чего? Либо по дороге туда нас прихлопнут, сожрут как цыплят табака, либо, в лучшем случае, до Питера добежим, а там тоже прихлопнут, только чуть позже. Так чего оттягивать? Может, не тянуть нам со смертью-то, а?

– Парень, ты ополоумел! – покрутил пальцем у виска Андрей. – Если бы в сорок третьем все бы как ты рассуждали, нас бы с тобой сейчас тут не стояло! – пошутил друг.

– Сорок третий, сорок пятый! Не сравнимое сравниваешь... – огрызнулся я. – Сейчас 2016-й, а не сорок третий и американцы со своими афганцами – не немцы, и мы уж точно не бойцы Красной Армии! – зло пролепетал я, имея в виду под «нами» нынешнее население страны, деморализованное и паникующее.

– Антох! – очень спокойно обратился ко мне Андрей. – Как ты думаешь, а твой дед как бы рассуждал сейчас, на твоём месте?

После этих слов, мне как будто чем-то врезали по голове, ход мыслей тут же сменил своё направление. Я представил себе, как бы в нынешней ситуации повёл себя дедушка, который всегда был для меня одним из самых авторитетных людей, а его жизненная позиция, его мировоззрение – образцовыми. Я попытался сперва представить, как бы он говорил сейчас, в нынешней ситуации, моими словами – не получилось. Попытался представить, что пусть и не моими словами, но будто он тоже сдаёт на попятную, шлёт всё к чертям и утверждает, что «это конец, выхода нет», но и этого у меня не получилось. А получилось лишь представить, что он произносит: «Бороться! Бороться до самого конца!»

– Бороться! Бороться до самого конца! – сжав кулаки и зубы и вырывая из оков температурного бреда своё сознание, прорычал я.

– Бороться, друг, бороться! – подхватил Андрей. – Пока мы живы, мы будем всеми силами стремиться выжить, и мы одолеем американцев! Мы, слышишь, МЫ будем жить на этой земле и наши дети и внуки. Пока не знаю как, но мы отобьёмся от нечисти, освободим страну и континент от мрази, понял? – И Андрей посмотрел на меня взглядом, полным решительности и уверенности, которая окончательно стряхнула с меня налёт уныния.

...Возле здания ФСБ по-прежнему трещали генераторы, и их треск несколько обнадеживал, напоминал о том, что цивилизация ещё не окончательно отступила.

Шталенкова мы застали спящим в своем кабинете на диване. Он открыл дверь не сразу, что говорило о том, что спал он очень крепко. Пустив нас в кабинет, он пригладил рукой взъерошенные волосы, извинился за то, что так крепко уснул и предложил чайку с печеньями.

– Ух, ё-моё, поспал... Час уже, ужас! – расстроенным голосом протянул Шталенков «ё-моё», наполняя чайник водой из канистры. Затем, залив воду в электрочайник и включив его, залпом осушил стакан родниковой воды (той, что из канистры). – Извините, ребята, что я тут, так сказать, «безобразие нарушаю»... Просто в пять утра только прилечь получилось – первый раз за последние двое суток. В общем, к делу. Есть у меня для вас две новости. Как всегда: одна хорошая, другая плохая. С какой начать?

– С хорошей давайте! – пожелал я.

– С хорошей так с хорошей. Тебе же Андрей рассказал, что мы там вывели на днях? – Шталенков обратился ко мне.

– Да, дядя Дим, в курсе уже... – ответил я.

– Значит, вчера весь день тут, в лабораториях, просидели с учёными: мы им – показания американского пленника с его сведениями про тарелку, отпугивающую афганцев, они нам – результаты исследования датчика из башки афганца. Сопоставляли данные. Потом они, ну, учёные наши, к вечеру ближе съездили на Останкинскую телебашню, всё пытались поймать хоть слабые, хоть какие-нибудь частоты с этой тарелки. И, в итоге, уловили! Короче говоря, на это мы и рассчитывали, и поэтому я вас и позвал: дело есть, серьёзное архи, ответственное.

– Вау!!! Что, придумали как нечисть побороть? – с трепетом перебил я дядю Диму.

– Практически. Но теперь плохая новость... – Шталенков выдержал паузу.

И хотя всем видом он пытался дать понять, что всё нормально, всё под контролем, мы с Андреем почувствовали в его последней фразе предвестие чего-то страшного... Дядя Дима плохо умел скрывать напряжение, явно читаемое на его лице. Очень осторожно, максимально хладнокровно он начал:

– Ребята, на самом деле вчера поздно вечером новость плохая пришла... – видно было, что Шталенков очень не хотел говорить то, чего ему предстояло. Но он должен был.

– Позавчера вечером какое-то неслыханное количество афганцев нахер разнесли несколько километров фронта в районе Калуги и прорвались даже за линию обороны. Так американцы на наши действия отреагировали, а у нас ни людей, ни припасов почти не осталось, на последнем издыхании бьёмся. М-да, дела... – Шталенков на несколько секунд провалился в глубокие размышления. – В общем, вот что я вам скажу: через неделю-две в Москве пипец наступит. По прогнозам, тварь эта сюда доберётся. Начнётся паника всеобщая, преимущественно по ночам. Огромные потоки людей днём будут двигаться на север. Давка будет. Мы, конечно, попытаемся сделать всё, что в наших силах. Например, через несколько дней начнём на МКАДе выстраивать оборону: наставим машин – заграждение, мин зароем тонн сто за МКАДом, подтянем БТР, сколько найдём. Попытаемся подвести электричество и зарядим прожектора ультрафиолетовые, опробуем и такой метод борьбы с нелюдьми. Но тем не менее, очень вероятно, что всю конструкцию эту прорвут к чертям, пусть и не сразу...

– Что, совсем всё печально? – насторожённо поинтересовался Андрей, – Вы же недавно говорили, что всё нормально будет, что отобьёмся?..

– Думали, что такого всплеска активности этих чертей не будет, ни разу ведь не было. А тут они всю ночь позавчерашнюю без передыха лезли и лезли. Но вы это, парни, хорош тут головы вешать! – подбадривал Шталенков. Как я и обмолвился, есть одно дело. Короче говоря, слушайте...

Шталенков, заварив-таки, наконец, чай и разлив его по кружкам, рассказал нам, что с месяц назад приезжали в Москву норвежские делегаты от их Министерства обороны с переводчиками. Мол, что их как раз к Шталенкову адресовали, чтобы он их принял. Цель их приезда была разузнать, что да как у нас, какие дела с афганцами и тому подобное. «Дело понятное, – говорил он, – что вся Европа слухами полна об этой напасти, что каждая страна по-своему готовится к возможной необходимости отражения атак афганцев, но, конечно же, помогать никто не спешит – ситуация сейчас не та: тут бы жизнь нормальную наладить, промышленность

хоть как-то поднять, в общем, не до помощи. Вот и надеются все на нас, мол – наша проблема, мы и отразим натиск. Дураки! – злился Шталенков. – Мы сейчас тут ляжем все под этими афганцами, а они следом. Тьфу, блин... Ну да ладно. – Шталенков перестал кипятиться и продолжал по делу. – Но норвежцы, что очень меня удивило, помощь предложили. Конечно не то, чтобы всем своим четырёхмиллионным населением приехать и в мясорубку кинуться, нет... Ничего конкретного они не предложили, а выразили готовность в экстренном случае оказать посильную технологическую поддержку, если она понадобится. Интересно то, что они одни из всех европейцев наиболее безболезненно «Конец» света» пережили, у них там и с инфраструктурой всё в порядке – почти как раньше, ну, то есть, до катаклизма. Говорят, за счёт большого числа атомных станций смогли сперва пережить беду, а затем и восстановить урон почти полностью, – закончил Шталенков. Мы, затаив дыхание, слушали дядю Диму. Почему-то сам факт предложенной скандинавами помощи и того, что Норвегия как бы и не почувствовала «Конца» света», живёт себе своим чередом и ещё очень далека от «конца «Света» вселил в меня оптимизм. За два года я настолько отвык от мысли, что всё сможет когда-либо быть «как раньше», что слова дяди Димы о том, что где-то, сравнительно недалеко, в настоящее время и есть «как раньше» заставили моё сердце биться чаще. Я вдруг захотел и в самом деле «бороться до самого конца!» и словно почувствовал почву под ногами.

– Так вот к чему я клоню... – сейчас Шталенков должен был сказать что-то чрезвычайно важное, мы с Андреем затаили дыхание... – Буквально сегодня ночью Карамзин, наш главный, заявил на экстренном совещании, что, по всем объективным оценкам, существует только единственный шанс, – Шталенков сделал глубокий вдох, а потом выдохнул. Ему тоже было нелегко говорить эти слова, – ...не кануть в Лету. И шанс этот заключается в следующем: необходимо самим соорудить подобную американской тарелку, только более мощную, и настроить её на частоту волн, отпугивающих зомби.

– Но... – только открыл рот Андрей, как Шталенков, не дав ему договорить, продолжил:

– Да, мы этого не сделаем. Даже в Питере. У нас нет на это ни времени, ни, самое главное, никаких ресурсов.

– Норвегия? – лаконично спросил я.

– Именно! Нужно как можно скорее туда ехать, отвезти все результаты исследований наших учёных и просить норвежцев повлиять на ход истории, благо они находятся в весьма безопасном на данный момент положении, хотя бы чисто географически, и у них есть ресурсы и время соорудить эту тарелку.

– Но, дядя Дим, а как же вы планируете тут выжить, раз уже афганцы совсем близко, а тарелка эта, даже если её и соберут в Норвегии, то, во-первых, не факт, что сработает, а во-вторых, уйдёт немало времени на её запуск и, вероятно, даже в случае успеха идеи с тарелкой, России уже может и не стать к тому времени? – задал я тяжёлый вопрос.

– Согласен, неужели ну никак нельзя у нас тарелку построить? – подхватил Андрей.

– Нет, нет у нас ресурса, как ни крути. Если бы можно было, разве не стали бы? – убил последние наши надежды Шталенков.

– Во чёрт, чёрт! – я чертыхался от безвыходности. В голове у меня не укладывалось то, что совсем недавно находившийся под Самарой фронт с недели на неделю может быть уже вдоль МКАДа.

– Я искренне надеюсь, ребята, на то, что прожектора с ультрафиолетовыми лампами смогут существенно затруднить прорыв нашего МКАДовского фронта афганцами, ну честно! У нас есть возможность в течение нескольких месяцев подавать достаточное напряжение с генераторов и дизельных подстанций, чтобы питать несколько десятков тысяч прожекторов вдоль всего МКАДа. С сегодняшнего же дня военные приступят к укреплению МКАДа и в первую очередь установке прожекторов и подведению силовых кабелей. Тьфу-тьфу, но дизеля

у нас, припасённого на чёрный день, хоть залейся. Так что, надеюсь, когда вы вернётесь из Норвегии после запуска тарелки, мы тут будем целые и невредимые, хотя и весьма потрёпанные.

Мы с Андрюхой сделали настолько удивленные лица, что дядя Дима не стал тянуть с объяснениями и тут же продолжил:

– Да-да, вы, а кто ещё? – улыбнулся Шталенков. Он взял кружку чая, по-хозяйски закинув ногу на ногу, сел в кресло и рассказал, какая катастрофическая кадровая обстановка имеет место в российских силовых ведомствах. Из его слов было понятно, что людей грамотных и адекватных уже практически не осталось. Кто на фронтах, кто в Питере, кто бежал в Европу. Кадровые резервы были истощены почти на сто процентов, и уже очень давно никак не пополнялись. Именно по этой причине он и был вынужден рекомендовать нас, благо мы ещё ни разу его не подводили, и не было доселе ситуаций, когда он мог бы усомниться в нашей способности справляться с поставленными задачами, пусть и не столь значимыми, какой была последняя, но тоже весьма ответственными...

– Ну а не проще ли туда самолётик отправить – быстрее же и надёжнее? – резонно заметил Андрей.

– Андрюш! Ну, ты не думай, что мы тут идиоты круглые и о таком варианте не думали. Зима на дворе, куда самолёт полетит? Вслепую в сторону Норвегии с посадкой неизвестно где, на белом снежном ковре? В Осло, в Берген? Одно дело в Афганистан летали наши, это да. Сверху поглядели: «Аха, вон база!» Сели на песочек поодаль, «языка» взяли и улетели. Норвежцы, конечно, сказали, куда обращаться, по какому адресу. Это в Осло. Но на полёт туда мы не рассчитываем. К тому же даже если их аэродромы и готовы к приёму самолётов, расчищаются от снега, что, в принципе, очень маловероятно, то они попросту могут и, чего доброго, подбить неизвестный самолёт, прилетевший неизвестно откуда и не понятно зачем... Таким образом, только на автомобиле, никак иначе...

– Ну да, логично, – признался Андрей, – но почему мы? Нет-нет, я ни в коем случае не имею в виду нежелание ехать равно как и, уверен, Антон, – Андрей посмотрел на меня, я утвердительно кивнул: – Но Вы уверены, что мы в состоянии выполнить эту задачу на должном уровне?

– Конечно! – улыбнулся Шталенков. – И никто лучше вас её не выполнит. Антон – первоклассный водитель, к тому же и механик. Мало того, у него уже есть огромный опыт длительных поездок в самых разных условиях, в том числе он ездил на машине и конкретно в Норвегию, ведь так? – обратился ко мне Шталенков и тут же с огромным удовольствием сделал глоток остудившегося чая.

– Так точно! – был мой ответ. – Эх-х, да, были времена... Катались мы с Дашей по Скандинавии, всю её объездили на моей же, между прочим, «хондочке»-старушке...

Я вспомнил 2008 год и наше автопутешествие по Финляндии, Швеции и Норвегии. Это было незабываемое путешествие, после которого я был одержим идеей возвращаться туда снова и снова, потому что красоты, в частности Норвегии, навсегда меня пленили и влюбили в себя.

– Ну вот. К тому же, Антон знает английский, немного шведский, а он схож с норвежским, так что там точно не потеряетесь. Ну а ты, Андрюха, и сам понимаешь свои задачи там.

Андрей кивнул:

– Понимаю, конечно.

– Ну и прекрасно. Так готовы? – Шталенков встал с кресла, поставил свою кружку с чаем на стол, подошёл к шкафу и надел пиджак. Мы с Андреем переглянулись.

– Безусловно, дядя Дим, – сказал Андрей.

– Конечно! – вторил ему я. – Когда?

– Я сейчас же пойду к начальству и постараюсь, чтобы сегодня же до вечера были подготовлены все документы и даны необходимые инструкции. С вами поедет машина сопровождения.

дения, это обязательное условие: слишком многое на кону и зависит от успеха этого задания. Промахов быть не может и не должно. Пока отдыхайте, собирайтесь и морально готовьтесь на пару месяцев покинуть Москву и вернуться с победой. Жду вас завтра, расскажу детали. Вопросы?

– Вопросов, дядя Дим, уйма, но можно мы их не будем задавать: меньше знаешь – крепче спишь! – пошутил я.

...Приехал домой, рассказал всё Даше. Она сказала, что только в одном случае я поеду в Норвегию: если и она поедет вместе со мной. Да я и сам по-другому себе не представлял, ведь оставить её одну в предосадной Москве было просто невозможно! Мы договорились, что данный вопрос я обязательно буду обсуждать со Шталенковым, а пока мы решили не терять ни минуты и приступили к сборам всего необходимого, что могло понадобится нам в дороге. В многочисленные сумки мы паковали тёплую одежду, запасы еды, канистры питьевой воды, свечи, зажигалки, фонарики, найденные со старых времён атласы автомобильных дорог России и Европы и ещё уйму всего, что только могло нам пригодиться в пути. Я же откопал на антресоли настоящий клад по нынешним временам: ультрафиолетовую лампу, без дела пылившуюся в дебрях антресоли. Такие лампы изначально предназначались для кварцевания комнат, когда кто-то в семье болел вирусными заболеваниями, но теперь... Теоретически, в случае встречи с афганцами, наша лампа могла послужить самым верным оружием против них. Конечно же, я мог только догадываться, будет ли достаточно мощности этих ламп, чтобы заставить афганцев держаться на дистанции, да и повлияет ли такая лампа на зомби в принципе. Но лучше уж что-то, чем ничего. Учитывая, что в машине у меня было аж два инвертора на двести двадцать вольт, мы упаковали и эту лампу как минимум для успокоения совести, но в надежде, что нам не придётся её применять. Взяли и Дашин ноутбук, который вот уже два года как стоял без дела на столе, отдалённо напоминая электрифицированное прошлое. Взяли мы его затем, что во время поездки у нас будет возможность зарядить аккумулятор всё оттого же автомобильного инвертора, а на ноутбуке был огромный многоязычный электронный словарь, который мог нам помочь в общении со скандинавами. Взяли и фотоаппарат с зарядным устройством – лишним не будет явно!

Перед отъездом на столь долгое время нам, признаться, было очень боязно за нашу квартиру... Чтобы снизить риск проникновения кого-либо в наш оплот, отыскивали в закромах ключи от второго дверного замка, которым давно уже не пользовались.

Вообще состояние наше было более, чем нервным. Даша волновалась как никогда раньше: помимо того, что нам предстояло проделать огромный и, мягко говоря, небезопасный путь до Норвегии, под сомнением было и то, что мы сможем вернуться в Москву в принципе, что Москва ещё будет существовать и что у нас получится скооперироваться с норвежцами. Плюс ко всему, Даша очень беспокоилась за то, что Шталенков даст команду ехать уже завтра, а я же ещё болел, притом достаточно сильно. И хотя температура у меня была уже не предельной – всего около тридцати семи с половиной, не больше, Даша понимала, что ехать в таком состоянии в столь опасную и длительную поездку никак нельзя. Я её успокаивал, говорил, что отправят нас не раньше, чем через два-три дня, но она не верила, а была на все сто процентов уверена в обратном.

– Ага, а под Самару-то вас как «запрягли», помнишь? Вчера сказали, что вам ехать – завтра вы уже едете. И сейчас так же будет. При всём уважении к Шталенкову... Но он всегда так поступает. Ну, я, конечно, понимаю, что на кону – ход истории, но не мог он, что ли, пораньше сообразить? – нервничала Дашенька.

Я смеялся и отвечал: «Ну брось ты, раскипятилась! Шталенков, как только стало известно решение высокого руководства, – сразу же нам сообщил, предупредил. Раньше он просто не мог этого знать! Ну, ты не волнуйся. Мне дядя Дима таблеток дал всяких, у него их много, понятное дело: анальгин, димедрол. Молока пачку дал. Давай сейчас генератор я

запущу и горячего молочка попью! Мёд остался? Отлично. Послезавтра как новенький буду! Ты лучше постарайся ничего из внимания не упустить, не забыть. Собирайся и не волнуйся...»

На следующее утро мы с Андреем снова к Шталенкову. Слава Богу, молоко сработало, и я чувствовал себя уже гораздо лучше.

Шталенков также пригласил в кабинет Сергея Валерьевича, своего коллегу по службе в ведомстве и бывшего сослуживца, с которым они вместе прошли Афганистан, служили в одной роте. Мы с Андрюхой его неплохо знали, ведь постоянно, ещё до «Конца» света» пересекались с ним на пикниках, куда звал нас Шталенков, а также нередко и в коридорах на Лубянке. Сергею Валерьевичу Клопу (его фамилия нас всегда забавляла) было поручено возглавить экипаж, который должен был сопровождать нас до Норвегии. Вчетвером мы долго обсуждали всевозможные нюансы, которые могли подстергать нас в пути. Дядя Дима рассказал, что экипаж Клопа будет состоять из четырёх бойцов. Поедут они прямо за нами на ведомственном Фольксвагене «Транспортёре», будут вооружены АКМами, гранатами и на всякий случай будет при них и пулемёт. Договорились о том, что, проезжая Петербург, мы заедем в штаб-квартиру Минобороны, где доложим о деталях и целях нашей операции и предупредим об ухудшении ситуации на фронтах. Весь материал, необходимый для развёртывания дружественными норвежцами радиолокационной тарелки, мы должны будем везти в двух вариантах: бумажном и электронном, на флэш-картах. Всё на русском. К сожалению, найти в столь короткий срок профессионального переводчика-норвежца ФСБшники не смогли, так что пришлось рассчитывать на меня как на переводчика и надеяться на то, что мне удастся перевести данные на родственный норвежскому шведский язык или, в крайнем случае, на английский. Для надёжности материалы были подготовлены в двух экземплярах: один должен был ехать с нами, другой – с Клопом. Я напрямую сказал Шталенкову о том, что: «Хоть расстреливайте, дядь Дим, но я без Дашки не поеду, как ни крути!» Другого я и не ожидал: Шталенков пообещал, что этот вопрос будет улажен с Карамзиным (благо отношения между ними были очень и очень хорошими и, можно сказать, отчасти дружескими), и что Даша может ехать с нами.

Ведомство выделяло для нашей операции несколько ящиков продовольствия, несколько аптек, фонарики и батарейки для них, десять двадцатилитровых канистр бензина, маленький генератор и сорок литров дизеля для него, необходимое оружие, в том числе и для нашего экипажа, и кое-что ещё. Написали для нас и официальные бумаги на финском (в ФСБ был человек, в совершенстве им владеющий) и шведском (при моём содействии) языках, на основании которых нас должны были пропустить через финскую и шведскую границы. Назначили выезд на вечер седьмого ноября, чтобы к утру добраться до Питера и застать там руководство Минобороны, ну и отдохнули, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.